

Лжец на троне 2. Удержатъ престол

Денис Старый

Денис Старый

Лжец на троне 2.
Удержать престол

«Автор»

2026

Старый Д.

Лжец на троне 2. Удержать престол / Д. Старый — «Автор»,
2026

Вторая книга цикла "Лжец на троне". Достаточно ли сесть на царский стул и назвать себя императором? Для собственного эго, да, но соседи, Швеция, Речь Посполитая, Крым, и не только, уже почуяли, что медведь ранен и есть возможность лишить его шкуры. Успеет ли грозный хозяин леса зализать хоть некоторые из своих ран и отмахнуться мощной лапой от других хищников? В лесу уважают только сильного, и человек, волею судьбы попавший в тело Лжедмитрия, не остановится и перед кровью, если она спасет больше жизней. Правда ли, чтобы организм оздоровился, нужно пустить старую кровь? Так лечили в 17 веке?

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Денис Старый

Лжец на троне 2. Удержать престол

Пролог

Пролог

Москва

2 августа 1606 года, 11:25

Я стоял на Лобном месте и рассматривал людей, которые собрались, дабы лицезреть своего государя. Разные люди. Кто-то одет в добротный шерстяной кафтан, были и те, кто щеголял в парче. Соболиные шапки на некоторых собравшихся еще больше контрастировали с жаркой погодой, что устоялась после утреннего ливня. Градусов, по ощущениям, двадцать семь. И соболиные шапки. Вот, несколько человек пришли и в шубах. Самоубийцы. Но, были и те, кто пришел в чистых, но явно потертых рубахах. Разные люди будут слушать меня.

Казалось, что шубы и шапки – это проявление сумасшествия. Ну, не считать же собравшихся спортсменами, которые в ущерб своему здоровью гоняют вес, чтобы попасть в меньшую весовую категорию на соревнованиях. Нет, этими людьми двигало иное – они одевали самое-самое дорогое и нарядное, что было, ибо нельзя же пред государевы очи предстать в непотребном виде. И при этом не столь важно, что через пять минут, как только мужчина оденет шубу в жару, он превращается в вонючего козла. Это только небольшое неудобство. Но, не стану же я требовать, чтобы люди снимали свои одеяния! Тем более, что среди собравшихся было крайне мало женщин. Вот тех раздел бы.

Женщины... когда был цейтнот, и, то выживал после отравления, то сочинял воззвания, то участвовал в воинских учениях, и так, и так ощущал потребность в женской ласке. Сейчас же... Нужно с этим что-то делать: или загрузить себя такой физической работой, чтобы мечтать о поспать в гордом одиночестве, либо найти уже кого-то, да подтвердить собственное реноме сластолюбца.

Но, пока что я хотел обратиться к людям, показать себя. Никак не мог взять в толк, отчего получались все эти Лжеправители. Неужели, Лжедмитрии все между собой были столь похожи, что не было понятно – это разные люди? Безусловно, часть политических фигур шла за самозванцами для собственных выгод, в угоду конъюнктуре. Но ведь и простые люди поддерживали лжецов, да, были и те, кто верил, что Лжедмитрий Второй – это спасшийся Лжедмитрий Первый. А еще был и Третий «спасшийся царевич Димитрий». Может то, что я покажусь перед людьми, хоть как-то, но уменьшит возможности к обману.

Да! Я сам дважды «лже»: первоначально Лжедмитрий, а после, так и вовсе оказался иным человеком, из будущего. Пусть так, но решение мною принято, и я не самоубился, или самоустранился, а решил, что смогу принести больше пользы для России.

Будучи ранее человеком системы, я не был своеобразным патриотом. Часто ругал правительство, старался представлять непогрешимость Первого, но и он мной критиковался. Бранился, обсуждал, клял, порой на чем свет стоит. Но ни-ко-му не позволял делать тоже самое, если только человек сам не являлся частью системы. Ты ругай, бранись, но это, как в семье. Можно сколь угодно ссориться с детьми, родителями, но не отнять одного, что они родные, любимые, за которых нужно грызть любого, кто обидит.

И для меня Россия родная, такая неидеальная, проблемная, порой раздражающая своими негативными особенностями, но своя. Потому я не слишком задумывался, после того,

как осознал, что попал в тело Лжедмитрия, когда встал вопрос о том, что делать дальше. Я накидывал себе варианты: сбежать в Новый Свет, или в Европу, может, и в казаки податься и похулиганить. Но все доводы в пользу того или иного своего будущего разбивались о факты и аргументы единственно правильного решения – остаться в России и стать тем, кто сможет добиться обмеления полноводной реки русской крови, хотя бы до небольшого ручейка.

Я приверженец идеи: пролить мало крови, чтобы не пролилось больше. Хотя во всех случаях стоит подходить индивидуально и сообразно выгодам, пусть во главу угла и следует ставить вопрос безопасности.

Вот, к примеру, стал я вновь царем. Подходил к Москве, как завоеватель, входил в город, как освободитель, а, въезжал в Кремль уже государем, единственно природным царем. И считаю, что все случившееся правильно. Я уже делаю многое, чтобы прекратить Смуту, чтобы Россия смогла встряхнуть головой и выветрить морок, помутнение, а после начать работать. И на пути возвращения своего престола, я пролил кровь. Уверен, что многим меньше, чем это могло быть, или было в иной истории, но уже не отмыть и не отмолить собственные грехи. Но, да, я к религии отношусь с уважением, но, никак ни с фанатизмом или фатализмом. Некогда, перед штурмовыми действиями в своем прошлом, молился, но, себе же нельзя врать, так, на всякий случай. При этом имел еще и какие-то фетиши и амулеты. Что именно спасало тогда, не знаю, вероятнее всего, внимание и обучение, но и фенички с амулетиками не выбрасывал.

И что же я хочу от тех людей, которых сейчас наблюдаю с высокого помоста на Лобном месте, если я, человек будущего, в эпоху информативной вседоступности и почти что вседозволенности, оставался адептом дремучего суеверия? И тут религия – это наше все. И я не могу это использовать.

– Читай молитву, Владыко! – повелел я, и стоящий рядом патриарх Игнатий.

– Царю Небесный, утешителю душе истины... – голос патриарха громом раздавался в установившейся тишине.

Я встал на колени перед иконой Казанской Божьей Матери. Эта икона символизировала возрождение, с изображением защитников Руси: Божьей Матери и Иисуса. Так и будет написан в государственной грамоте, что Русь-Россия возрождается после лет неурядиц и голода, пожарищ. Икона не сгорела в пожаре, но и Русь не сгорит и окрепнет [по преданию иконы Казанской Божьей Матери нашли на пепелище].

– Люди русские, православные... – начал я свою речь-общение с народом после того, как были прочитаны молитвы «Царю Небесный» и «Отче наш».

Выбор молитв был не случайным, принято, что именно «Царю Небесный» следует читать перед началом великих-новых дел. А мы, я, что ни ни есть, начинаю эти дела.

– Вот он, я! Как можно спутать с иными, ворами и татями из литовского Могилева? Или с тем невинноубиенным Григорием Отрепьевым, или кто был тот несчастный? Господь отметил меня знаками на лице и рукой, что более второй. Власами я рудый, более темный. Смотрите на меня и запоминайте, кабы тати разные, что ведут к Москве ляхов, да заживо погребают жонок православных, опосля насилья над ним. Что дитяток на сабли берут для потехи своей, да славят Лукавого... – нагнетал я страсти.

Я не то, что бы хотел воспитать абсолютную ненависть у русских людей к литвинам или ляхам. Нет, я хотел найти тех, на кого-то можно скидывать собственные неудачи и обосновывать лишения. Люди верят в то, что вот так, вдруг, все станет сытно и богато. Отсюда и сказки про скатерть-самобранку, что мечет на стол столько еды, что за всю жизнь не съесть. Но, не бывает все и сразу, почти никогда. А, если такое и происходит, то раз на миллион, и то индивидуально.

И, насколько мне хотелось, чтобы через полгода-год, когда люди не увидят у себя под ногами кисельные берега и пряники на всех деревьях, вновь не прозвучали голоса о том, что царь, дескать, не настоящий. Так что, пусть некоторые из соседей поработают молниеотводами.

– Прости царь-надежа! За тебя животы положим! – раздавались выкрики из разных мест большого скопления людей.

Конечно же, в толпе были люди, роль которых и заключалась в том, чтобы выкрикивать нужные слова, направляя мысли и эмоции людей. Кто сказал, что без интернета или телевидения сложно управлять мнением масс? Может и никто так не говорит, потому что грамотный человек слету накидает с десятков мероприятий, способных влиять на умы людей.

Вот и сейчас я создавал нужную информационную повестку. Я уже понял то, что в этом времени, пусть и без системных демократических процедур, но народ, все его формируемые сословия, много решают. Некогда они решили скинуть Годуновых. Да, то убийство Федора Борисовича и его матери имело одной из причин социальное положение и отголосок закрепощения крестьянства. Будут предпосылки и даже причины, чтобы не любить и меня, но я постараюсь держать накачку людей на должном уровне. Пропаганда – наше все!

– Казна пуста! Васька Шуйка увез все золото и серебро немцам. Ляхи и литва грабят наши земли. И я обращаюсь к вам, люди русские, – помогите оборонить Россию, – продолжал я свою пламенную речь, замолкая во время одобрительных выкриков.

Здесь и сейчас собраны люди, которых делегировали общества, не официальные земства, а народные, уличные, дворовые, большей частью, из Москвы. Площадь не смогла бы вместить всех людей, поэтому объявлялось, что каждые сто человек могут направить своего одного делегата. Насколько это правилось соблюдалось, не понятно, ощущение было, что пришли все, кто умеет ходить.

– Вера наша православная, держава наша великая, люди наши мудрые, мужные, сильные... – я видел, как в толпе некоторые мужики горделиво выпучили грудь. – А бабы наши... самые пригожие.

Разве есть мужчина для которого самой лучшей похвалой не будет похвала его женщины? Если только не извращенцы, у которых главное машина или гаджет. И то же самое можно сказать и про женщин. Похвала мужа для жены, если в семье есть согласие, лучшее. Жена думает, а скорее, чувствует, что не столько хвалят супруга, сколько ее выбор. Так что бил я по самолюбию людей, вызывая довольные улыбки.

Ну, и для чего я сказал про женщин, кроме, как потешить самолюбие мужиков? Чтобы оттереть от себя темноту и налет грязи от венчания с католичкой Мариной.

– Ну, Козьма Минич, – обратился я к Минину. – Тебе людей завлекать. Расскажи всем, почему и зачем Отечество любить!

Мне понравился Козьма Минич Минин. Это был, казалось, человек «из ниоткуда». Но как же умело разговаривает! Умеет найти легкие, доступные, простые, но очень глубокие слова. При этом бегло читает, пишет, считает. Последние характеристики в будущем можно было приписывать какому-нибудь двоечнику из колледжа. В этом же мире, это характеристика сравнима с выпускником-краснодипломником лучшего ВУЗа страны. Минина планирую сделать своим пресс-секретарем, придумать бы еще, как эту должность назвать.

– Выстрел! – в центре толпы, краем зрения, я увидел пороховое облачко.

– Государь! – закричал Ерема, и одновременно с другим моим телохранителем, что также стоял рядом, поспешил закрыть мое тело своим.

Поздно...

Глава 1

Глава 1

Москва

2 августа 1606 года, 16:20

– Что скажешь, Михаил Васильевич? – спросил я Скопина-Шуйского.

– Государь, ты просил говорить по чести, – Михаил посмотрел на меня и дождался кивка в знак согласия. – Не по душе мне такое плутовство.

– Ты что, меня, государя, плутом кличешь? – театрально выкрикнул я, и привставая со своего трона.

Я раскачивал Скопина, который здесь и сейчас проходил свое крайнее собеседование на роль человека, что будет рядом со мной вершить судьбу России.

И, да, нужно же сказать, о чем мы со Скопиным разговаривали.

Речь шла об операции по формированию общественного мнения у москвичей и гостей столицы. В меня стреляли, выстрел произвел холоп Мосальского, к тому времени уже арестованного, пойманного на выезде из Москвы, при том с весьма внушительными деньгами и драгоценностями. Холоп тот, Пятрок Дранка, часто сопровождал Василия Михайловича Мосальского, по прозвищу Рубец.

Главным исполнителем хитрой комбинации стал Захарий Петрович Ляпунов. Я еще раньше заметил у этого человека, одного из четырех братьев Ляпуновых, некоторый авантюризм, беспринципность, при этом быстрое реагирование и молниеносное принятие решений в сложных ситуациях. Над Захарием довлело подчинение старшему брату Прокопию. Поэтому Захарий Петрович уцепился за возможность получить свое место рядом со мной, государем.

Пятрока, приняли жестко, вместе с хозяином и сразу стали, как это говорили в будущем, прессовать. При этом у этого холопа была семья, он был весьма приближенным к Мосальскому и имел некоторую личную свободу, потому не только имел семью, но и некоторым имуществом оброс. Оказалось, что Дранка любит свою жену и дочь, что имело роковое значение для мужика. Он согласился стрелять в меня, хоть и догадался о собственной скорой смерти, несмотря на лживые заверения Захария, что Пятроку дадут сбежать. Условия же холопа, как бы это не звучало несуразно, выполнили. Жена с дочерью отъехали, получив деньги, в Сибирь, куда отправились мои посыльные, прихватив семью обреченного. Ну, а Пятрок пошел на заклание.

О том, что в меня будут стрелять знали только пять человек: я, Захарий, сам Дранка, ну и еще два действующих лица-дюжих мужика. Более никто. Не стал я предупреждать и свою охрану. Для телохранителей мнимое покушение должно было стать своего рода экзаменом.

Выстрел должен был прозвучать на пике возбуждения толпы и явить собой жирную точку в главном мероприятии по формированию общественного мнения. Жертв всегда жалеют. Как показывало послезнание, электорат проголосует за того, кто подвергается нападению, на кого давят. Тут ситуация немного иная, но прозвучали слова про неподсудность царской власти, а тут, вот он, убийца.

Относительно моей персоны, люди, что допущены на Лобное место, увидят, как Господь оградит государя от смерти. Не должен никто понять, что пистоль, с которого и производился выстрел, не был заряжен пулей.

Я ранее удивлялся и где-то и посмеивался над людьми, которые пришли на общение с царем в шубах? Сам был одет в царское платье, с брамами и Шапкой Мономаховой. А под одеждой был еще и доспех, три шелковые рубахи. Так что, захоти кто меня убить, то нужно

стрелять только в голову. Учитывая тот факт, что место, откуда шло общение с народом, находилось в метрах тридцати-тридцати пяти от толпы, даже у опытного стрелка не было шансов, если только не случайно, попасть в голову. В этом времени понимание прицельной стрельбы сильно условным.

Пятрок выстрелил... два дюжих мужчины, которые, скобы случайно, оказались рядом с ним, сразу же начали избивать покусившегося на жизнь царя-императора. Потом толпа разорвала жертву на куски, при том были и другие пострадавшие в давке.

Даже в самые трагические моменты могут случаться комические случаи. Два моих телохранителя, что оказались ближе всего к «телу», одновременно рванули с места, чтобы закрыть собой царя, и... стукнулись лбами. Теперь Еремей и Али ходят с характерными шишками на лбу, прямо-таки гибрид человека с единорогом.

И я решил рассказать об этой операции без некоторых подробностей Скопину-Шуйскому.

– Так, что молчишь? – продолжал я кричать на Михаила Васильевича.

Скопин-Шуйский стал на одно колено, склонил голову и молчал. Выдержка у молодого дарования была на удивление железная.

– Прости, государь, я высказал мысли свои, в твоей власти лишить живота меня, – не подымая голову, сказал Михаил.

– Садись! – спокойным тоном сказал я, что прозвучало, на контрасте, слишком необычно и неожиданно.

Я улыбнулся. Все же удалось смутить Скопина-Шуйского, который поднял голову и дал мне возможность рассмотреть свои выпученные глаза.

– Государь, не могу я уразуметь норов твой, – сказал Михаил, чуть задумался и, уже вставая с колена, продолжил. – Не возьму я в толк, отчего заслужил столь много твоего внимания. Отчего ты мне тайну поведал?

Я вновь посерьезнел.

– А вот слушай, отчего... – запустил я последний этап вербовки.

Ни разу не вербовал агентов, не моя это стихия и специфика, но относительно Скопина-Шуйского, я действовал, как мне казалось, основательно. Много с ним разговаривал, обсуждал тактики и возможности разного оружия, перспективы развития воинского искусства. Говорили мы, часто исподволь, о коварстве и неправоте Василия Шуйского, рассуждали о патриотизме.

Теперь вот это испытание, когда весь такой правильный, не переносящий ложь и коварство, Михаил Васильевич сталкивается с грязной политикой. На той должности, что может занять Скопин-Шуйский, я ему должен доверять, а он быть верен, даже понимая, что не все мои дела чисты, словно слезинка младенца. Не нужно плодить у подданных разочарований. В принципе, и эмоции не нужны.

– Расстроил ты меня, Михаил Васильевич, неужто не замечал коварства у сродственника своего Васьки Шуйки? – спросил я, намеренно называя Шуйского уничижительно.

Скопину уже изложили, мало в чем солгавши, какими методами действовал его родственник, условно, дядя. Оказывается, Михаил Васильевич не знал о роли Василия Шуйского в деле Марии Ливонской, когда дядя принимал участие в операции по ее привозу, а после заключения в монастырь [после уничтожения Старицких и смерти Федора Иоанновича именно Мария, прозванная Ливонской, была следующей в престолонаследии, учитывая факт незаконного рождения вне одобренного брака Дмитрия Иоанновича].

– Государь, ты мне поведал о том, что выстрел подстроен для того, кабы я смирился и принял тебя, не токмо сердцем, но и разумом? – спросил Михаил.

– Ты, Михаил, или близким мне станешь, или в Сибирь воеводой отправишься. Но, кабы быть рядом, должен мириться с малым злом, что будет во благо для многих, – сказал я.

Скопин-Шуйский страдал обостренным чувством справедливости и слишком верил людям, что его окружали. Как при таком идеалистическом отношении к жизни, можно было стать профессиональным, претендующим на величие военачальником, загадка. Но пусть парень спускается с небес, видит, что мир, тем более политическая его часть, строится на лжи, собственных интересах, компромиссах, но никак не на гуманизме, следованию обещаний и тому подобном честном и богоугодном.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский – мой будущий министр обороны. Никаких министерств я вводить не стану, по крайней мере, не буду использовать это слово, но специализированные ведомства для улучшения системы управления, вводить стану. Так что «Изва обороны», или еще как назову, но руководить там будет Скопин-Шуйский.

И здесь так отлично с этим назначением получается: молодой мужчина обладает талантом и ему судьбой предписано, стать великим полководцем, с другой же стороны – он самый знатный из всех бояр, что рядом со мной. На самом деле, в местничестве Скопин-Шуйский стоит даже выше, чем Василий Шуйский. Так что с таким назначением я не только не сломаю традицию, но на фоне иных возвышающихся людей Михаил Васильевич будет примером комплексного подхода в кадровых вопросах.

– Я буду с тобой, государь! Коли направишь выбить Василия Ивановича с Новгорода, я сделаю это, не сумлевайся. На том крест поцелую, – сказал Михаил Васильевич, но, а я не стал напоминать о том, что он уже целовал крест мне на верность.

Тогда, как только прибыл в Москву, Гермоген, что нынче спрятался в Троице-Сергиевой лавре, снял со всех клятву крестоцелования. Но Гермоген не мог этого сделать, так как стал патриархом несправедливо. И вообще, пока еще жив патриарх Иов, не может быть на Руси иного Владыки, только исполняющий обязанности.

**.....*

Москва

3 августа 1606 года

Ксения Борисовна Годунова уже два дня находилась в Москве. Она ждала, когда Дмитрий Иванович, или тот кто скрывается под его личной, придет лично. Это был такой жест, демонстрирующий, что Ксения не потеряла гордость и память, не забыла, что царевна. А он... для нее этот человек не царь, но Ксения не собиралась говорить об этом. Да, и понимала женщина, что именно сейчас говорить о самозванстве царя бесполезно. Ее просто сочтут глупо мстительной особой.

Но было и иное, женщину тянуло к этому человеку, она только в монастыре стала забывать те смешанные и сложные эмоции, что ощущала с ним...

– Дочь моя, отринь гордыню. Иди к нему! – сам патриарх Игнатий прибыл для разговора с Ксенией.

И то, что Ксения Борисовна признала в Игнатии патриарха говорило, что бывшая царевна готова к компромиссам. Ранее, когда ее насильно везли в монастырь, царевна говорила, что патриарх на Руси только один – Иов.

– Не гоже, Владыко, мне царевой дочери... – начала в очередной раз отказываться Ксения, но была перебита патриархом.

– В Суздальском монастыре, инокине Ольге найдут место, – сказал Игнатий.

Ксения рассмеялась.

– Владыко, ты пугаешь меня обителью? – просила Ксения, ухмыляясь.

Когда Татищев просил ее, Ксению Борисовну, повлиять на решение царя Дмитрия Иоанновича, чтобы государь сменил гнев на милость, женщина вдруг поверила, что вновь способна стать даже не царевной, но царицей. Однако, когда она прибыла в Москву, ее не то, что

не встречали бурно и с овациями, инокиню Ольгу поселили в какой-то захудалый дом, что на окраине стольного града, но не более того.

После прибыл посольный, который привез повеление инокине Ольги прибыть к царю. Ксения в вежливой форме отписалась, что царевна Ксения Борисовна прибудет для разговора к государю, если ее пригласят приличествующе статусу. Женщина была уверена, что последует торжественность, сопровождение царскими рындами до Кремля, или еще какие-нибудь атрибуты, подчеркивающие царственный статус Ксении. Тем более, что она не оставалась одна.

«К царице» приходили разные люди, чаще женщины, что просили за своих мужей. Это паломничество, казалось, к простой инокине, еще больше убедило Ксению в том, что она, действительно, царица. Она пребывала в иллюзиях, что вопрос о признании пострига незаконным, уже решен, что государь готов признать чадо, который во чреве Ксении, своим ребенком, а ее в скорости поведет под венец.

А после принесли короткое письмо от него, где писалось лишь: «Не долго, но я подожду». Димитрий, этот сластолюбец, который плакал у нее на руках, сокрушался, что придется отсылать Ксению в монастырь, потому как он оказывался заложником обстоятельств. Он теперь ждал, чтобы она, словно и не царственная особа, самолично, без свиты, пришла к нему, поклонилась, чем признала в нем истинного царя.

– Да отчего вы упертые такие? – сокрушался Игнатий.

Два часа назад патриарх Игнатий разговаривал с государем, уговаривал того прислать подобающее будущей царице сопровождение, но Димитрий Иоаннович отказался это делать, ссылаясь на то, что решение о какой-либо женитьбе он не принял, а венчаться лишь потому, что царь принял политику единения и преемственности династий – это неправильно.

– Поверь, дочь моя, он стал иным. Порой я уверен, что предо мной иной муж, а, взгляну на него, так, нет, тот это человек. Метаморфозы, – сказал патриарх Игнатий, разведя руками.

– Все ты, Владыко, в свои речи слова греческие вставляешь, – у Ксении вспыхнули глаза и налились гневом. – Он силой меня взял. Вечером приходил во хмели, брал силой, утром приходил и прощения просил. Кабы ни дите, что во моем чреве, я бы и не стала приезжать к нему.

– Кабы сердце твое лишь гневом было наполнено, не было бы тебя, дочь моя, в Москве. Осталась бы в монастыре, и никто тебе ничего не сделал, ни дурного, ни доброго. Покорись, Ксения, яко жена повинна покориться мужу своему.

Ксения задумалась. Да, она ехала к нему. Разные обстоятельства, в том числе и челобитники повлияли на то, что она, возомнила себе. Может быть, было и так, что кровь деда Малюты Скуратова-Бельского затлела разум и отяготила сердце, из-за чего она прибыла, чтобы опозорить, сказать свое слово.

– Владыка, вижу я, что тяготит тебя то, что сделать был повинен, когда отсылал меня в Горещкий монастырь. Оттого и прошу, отведи ты меня к нему, – попросила Ксения, найдя, как ей показалось, единственно верное решение.

– А и то верно, Ксения Борисовна, – патриарх Игнатий улыбнулся. – И урону твоей чести не буде, и, почитай, с государем поедешь к царю [патриархов также называли государями].

Со стороны могло показаться, что Игнатий действительно искренне близко к своему необъятному патриаршему сердцу воспринимает нерешительность и капризность вдруг людей, которые, вероятно, в будущем могут стать мужем и женой. Однако, это было не так, немного не так, а с толикой цинизма и прагматизма.

Дело в том, что на второй день после взятия Москвы, когда патриарх прибыл к Дмитрию Иоанновичу, и начал того поучать, прежде всего, указывая, почему до сих пор не произошло низложение Гермогена, Игнатий встретился с решительным взглядом человека, которого, оказывается, он совершенно не знал. Государь указывал на то, что и сам Игнатий неправоммерно надел патриаршее одеяние. Указывал на то, что ему, Дмитрию Ивановичу, нужен пат-

риарх-соратник, но не патриарх-учитель или патриарх-государь. Говорил царь о том, что обесценивается деяние царя Федора Ивановича и Бориса Годунова, когда им удалось добиться появления в Московском царстве собственного патриарха. Иоф был еще жив. Слеп, немощен, сильно исхудавший, с больным сердцем, но первый русский патриарх все еще жив [в реальной истории умер в 1607 году, будучи полностью слепым и болезненным].

Когда Игнатий сказал, что нужно решать вопрос с Иовом, государь одернул его и повелел решить иные важные дела, прежде, чем беспокоить слепого старика. Игнатий не знал, да, и зачем духовному лицу, словно Римскому Епископу, окунаться в грязь и грехопадение, но, вопрос с Иовом уже решался. В Старицу отправился Захарий Петрович Ляпунов для того, чтобы либо убедить патриарха Иова отречься, либо заставить это сделать, на крайний случай, прервать жизнь первого русского патриарха. Предпочтительнее было, чтобы сработал первый вариант и передача полномочий и духовной власти произошла спокойно, принародно, так как это согласовывается с внутренней политикой царя, направленной на преемственность династий и поколений.

Для того, чтобы сработал первый вариант, и патриарх Иоф добровольно, возможно и на Лобном месте, отказался от сана патриарха, использовался фактор возврата и возвышения Ксении Борисовны Годуновой. Иоф был и остается ближайшим другом и соратником уже павшей династии. Такой вот верный слову старичок. Так что роль Ксении Борисовны в политике Дмитрия Ивановича приобретала действительно важное значение. Но, даже это не было причиной или поводом к тому, чтобы русский государь лично ездил на поклон к сестре убитого государя [имеется в виду сын Бориса Годунова Федор Борисович].

..........*

Я сидел во главе большого, массивного, выделанного из дуба, стола, и рассматривал людей, которых сам же пригласил на первое заседание нового органа государственного управления в России – Военного Императорского Совета.

Закончилась эпоха Московского царства, начинается эра Российской империи. Мой предшественник, обладатель не лучшего тела, отчего я испытываю дискомфорт, постоянно называл Московское царство империей, а себя, собственно, императором. И это одно из тех явлений-наследия, которое я признавал за благо.

Петр Первый объявит себя императором и будет искать поддержку европейских государей, чтобы те признали Россию империей. При всей своей кажущейся бескомпромиссности, царь действовал с оглядкой на Европу. Я же считаю, что государство доказывает, что оно империя своим истинным величием, и, когда страна Великая, никакие иные доказательства ее величия не требуются. Пусть недруги доказывают обратное. Формально же Московского царство давно стало империей. Уже сейчас при перечислении всех земель, что входят в состав Российской империи, можно выспаться, а территориально, даже не знаю, есть ли кто-то, обладающий большими территориями [испанские владения в этот период больше, чем освоенные в России территории].

На некотором аналоге такого органа власти в будущем, под названием Совет Безопасности Российской Федерации, присутствовали Скопин-Шуйский, Пожарский, Заруцкий, Шаховский, Прокопий Ляпунов, Ураз-Мухаммед. Это были те люди, которые привели меня к власти, либо без которых, как я считал, эту власть мне будет сложно удержать. Будут еще другие персонажи, и будет Государев Императорский Совет, но я пока что не знал, кого назначить ответственным за экономику, промышленность, дипломатию. Так что, по сути, Военный Совет, был сейчас в одном флаконе и Боярской Думой и всем остальным. Тем более, что военные вопросы были актуальнее иных. Пока не отобьёмся от недругов и не покажем, что быть с нами в ссоре – это больно. Решать иные вопросы крайне сложно.

– Ваши мысли о том, что нужно сделать, – сказал я, после небольшой паузы, как только все уселись на скамью. Нужно стульев смастерить побольше.

Форма проведения совещаний была инновационной. Все сидели за общим столом, где я чуть возвышался над остальными. Восседать на троне мне было неудобным и казалось не продуктивным. Слишком много церемониала, когда нужна была конструктивная работа. Вместе с тем, я, при равных, казался маленьким. Тот же детина, Скопин-Шуйский, под метр девяносто или более того будет.

Никто не спешил высказываться. Было явной ошибкой призывать к дискуссии, когда вокруг сплошь местничество, на грани мистицизма. Даже Заруцкий, для которого, казалось, нет авторитетов, кроме царя, потупил взор.

– Михаил Васильевич, – обратился я к Скопину-Шуйскому. – Что думаешь о Севере, Новгороде?

– Тяжко буде, коли шведы более десяти тысяч войска приведут. Немцы воюют по-новому, яко голландцы, наши конные их не одолеют, – сказал Скопин, ловя на себе осуждающий взгляд Заруцкого, которого обидели слова про немощность конницы.

– А что Иван Мартынович, казаки твои проскочат пики, что и мы пользуем? – спросил я, понимая причину недовольства казака. – Молчишь. Вот то-то и оно. Воевать нужно, как немчины, но с тем, что есть. С тебя, атаман, спрошу. Отчего так и не отбили казну у Шуйского, его самого не догнали, да и Мстиславского с иными упустили?

Я спрашивал, но знал ответ. Никогда нельзя доверять только одному источнику информации. Я придерживаюсь такого принципа, когда лучше два сомнительных информатора, чем один, но, якобы, заслуживающий доверия. Две версии всегда можно сравнить и сопоставить, вычленив истину.

В рядах Заруцкого было уже два человека, которые, условно, «стучали».

Захарий Ляпунов работал. Пока только по моей указке, примитивно и очень дорогостояще, но дело тайного сыска и государственной безопасности начало двигаться. А Заруцкий, исходя из того, что я про него знал, да и лично успел убедиться, являлся персонажем ненадежным, пусть и нужным. Вот и пришлось искать в его среде продажных людей. А как там в поговорке про то, кто ищет?.. Нашли, пусть и за немалые деньги.

– Кто ж знал, государь, что Шуйский отправит охранять казну тысячу оружных конных? – сокрушался Заруцкий.

«Вот не был бы ты мне нужен, так уже сейчас за вранье твое прижучил», – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Я знал, что имела место быть безалаберность, отсутствие взаимодействия между подразделениями.

– Дмитрий Михайлович добавить есть что? – спросил я у Пожарского.

Заруцкий, казачий атаман и князь, не самый далекий в местнической книге, переглянулись.

– Да, государь, так и было. Сперва я послал вслед людей, так побили их, – говорил Пожарский.

И вот как мне быть? Показать, что я знаю, и о количестве охранников обоза, и о том, как именно обстояло дело погони?.. Нет! И в этом времени люди вполне сообразительные, чтобы с ними играть в примитивные игры. Вполне? Да они более усидчивые и думающие, чем в покинутом мной будущем. В этом мире не столь много информации, которую нужно воспринять человеку, поэтому головы светлые и готовые впитывать знания и размышлять. Поэтому и не только, я смолчу.

Не буду говорить, что знаю о том, что казну охраняло только пять сотен конных. Это профессиональные воины, но не столь вооружены, чтобы суметь выдержать атаку слаженного отряда вдвое больше численностью. Но сперва Пожарский отправил три сотни конных

в погоню. Из трехсот человек вернулись меньше пяти десятков. После уже Заруцкий отправил как раз-таки пятьсот человек. Вернулись многие, но и они не разбили охрану и не отбили казну. Так что через два дня, как вернулись казаки и ни с чем, уже не было смысла посылать в погоню новый отряд. Примерно то же самое получилось и с погоней за Мстиславским. Но там сработала тысяча головорезов полковника Лисовского, которые и разбили погоню.

В итоге, потеряны четыре сотни хороших бойцов, с очень неплохими лошадьми. Это много, но важно и то, что казна улизнула. Не менее ста тысяч рублей в наличии у Шуйского. Тут можно не только оплатить на год шведский корпус, но и рассчитывать на иных наемников.

– Тебе атаман особливая моя воля, – говорил я Заруцкому. – Продумай, как изловить Лисовского. Много бед он принесет России. Никакого обоза, токмо добрые кони. У него тысяча конных. Думай, Иван Мартынович!

– Дмитрий Михайлович тебе продумать, как снимать осаду с Брянска. Все свои войска возьмешь, также дам тысячу казаков и пушки, – нарезал я задачи и Пожарскому.

– Михаил Васильевич! – я посмотрел на Скопина-Шуйского. – Неможно нам отдать шведам русские земли. Думай! Головой всему ты! Назначая главным воеводой.

Все присутствующие вначале с удивлением посмотрели на Скопина, после, видимо, нашли оправдание моему решению, принимая новость более спокойно. Да, он был пленником, но знатнее всех собравшихся вместе взятых, себя я выношу за скобки.

На первом Военном Совете долго не размазывали масло на тарелке. Я нарезал задач, а исполнители уже в частном порядке должны принести свои предложения.

Самым проблемным мне виделся вопрос со Лжедмитрием Могилевским. Нет, я его нисколько не боялся в деле пропаганды, конкуренции. В этом отношении более опасный Шуйский. Я опасался иного, что уже в следующем году Брянщину и часть Черниговщины просто обезлюдят. В районе Гомеля, Стародуба, Брянска происходит то, что в будущем назвали бы геноцидом. Людей вырезают всех. Эта навала преспокойно может сместиться, к примеру, южнее к Путивлю. И тогда получится, что вполне обжитые и развитые регионы обезлюдят и перестанут приносить доход, напротив, потребуют больших денежных и людских вложений.

Пусть Шаховский и заверяет, что в Путивле у меня большая поддержка, да и вообще Новгород-Северская земля устала от потрясений, я знаю, что может найтись кто-то говорливый, что убедит людей на противление императорской власти, или придут казаки, да погулять захотят. Сейчас, как мне передают, лидерство в категории «зверства», среди убийц в лагере Лжедмитрия, занимает Лисовский, но не сильно ему уступают запорожцы и некоторые донцы. Сагайдачный прижал вольности в Сечи, запретил безобразия. Вот казачки, как только вырываются из Сечи, начинают наवरстывать. Разоряют деревни уже не для того, чтобы получить наживу, а так, похода.

Плохо, очень плохо, что на дворе уже август. Для того, чтобы провести реорганизацию войска, нужно месяца два, не меньше, а там холода рядом. Конечно, можно было продолжить воевать с теми войсками, с которыми я пришел в Москву и это частью будет именно так. Однако, если уйдут те воины, что привели меня к власти, то их место должны занимать иные: из тех, кто воевал против меня, или те, кто еще придет с других городов и регионов. И на кого я могу рассчитывать?

Гвардия – вот на кого мог бы опереться в своих начинаниях. Петр Великий никогда бы не провел свои реформы, если бы не надежная опора в лице гвардейцев и жестокая чистка в рядах стрельцов.

Потому уже был готов указ, по которому призывались пока добровольцы в ряды нового воинского образования, названия которому «охранители империи». Братья будут парни от четырнадцати лет, либо с опытом военных действий, такие были, особенно в дворянской среде, либо с выдающимися физическими кондициями. Ну, и важным было собеседование, в ходе которого нужно выяснить и психологическое состояние потенциальных новобранцев, а так же

их отношение к власти. Вопросы я подготовил, получалось что-то в виде теста с однозначными ответами.

Да, гвардию нужно учить, она сможет стать силой не ранее, чем через два года, но и набирать в два полка уже служивых людей, это только множить уже имеющиеся стрелецкие формирования с чуть иной подготовкой. И так стрельцов переобучать придется, но гвардия – иное, это охранители, преторианцы, янычары. В данном контексте нужны люди, которые будут благодарны за свое возвышение именно мне.

– Государь, к тебе Владыко Игнатий и... – Ермолай замялся.

– Ерема! Заменяю тебя. Говори своему императору прямо и не мямли! – потребовал я.

– Инокья... царевна... – Ермолай не мог подобрать слова, определяющие статус Ксении.

Повторно указывать Ермолаю на необходимость четких докладов, я не стал. Это было бы несправедливо, ибо я и сам не знал, кто же такая Ксения. Потенциально царица, но этот вопрос еще не решен. Может случиться и так, что она станет опасной. Еще не видел Ксению, мне только рассказывали о ее необычайной красоте, может и не вызовет отвращения, как некогда Марина. Но я пойду на то, чтобы убрать и Годунову, если она станет напрямую мне угрожать. Сейчас крики, по типу, что царь не настоящий, не столь актуальны, вместе с тем, можно кричать и громко, и разные слова использовать. Так что немного, но я волновался. Лишних смертей никак не хотелось.

– Зови! – повелел я и отложил бумагу, на которую умудрился поставить кляксу.

«Нужно что-то с этим делать, определенно, невозможно писать» – подумал я, поправляя кафтан.

– Государь-император! – приветствовал меня Игнатий, старающийся максимально угождать, видимо, понимал, что и с ним толком еще не понятно.

Тот же Гермоген, который укрылся в Троице-Сергиевой лавре, может оказаться вполне сговорчивым. Тогда зачем мне грек Игнатий? Тем более, что, как только патриарх появился пред мои светлые очи, сразу начал отчитывать и вести себя, словно злой отчим. Я его одернул, потом полдня велел к себе не пускать. И это мое поведение имело воздействие. Не тот я, хоть передо мной Владыко, хоть кто иной, но именно я – Государь-император!

В комнату, которую я уже облюбовал под рабочий кабинет, вошла... Вот тут можно было говорить о любви с первого взгляда, как чернявая пава в мгновение ока стала хозяйкой в моем сердце, сколь глубоки ее глаза, что я в них утонул и далее в том же духе. Можно так говорить, если лукавить и врать. Но я и в прошлой жизни никогда не влюблялся в обложку, но был способен полюбить женщину в процессе вычитки текста, что под красочной картинкой в начале книги.

Сейчас же я наблюдал весьма искусного художника, что создал обложку для книги, которую захотелось открыть и прочитать. Чернявая. Мне всегда нравились брюнетки. Невысокая, даже с учетом современных низкорослых людей. Мне нравятся маленькие женщины, их подсознательно хочется защищать, а я по натуре защитник, будь то Родина, дом, женщина, но, главное, дети. Милое лицо с правильными чертами и наливными полными губами. Мне нравились у женщин губы иного вида, не люблю рты, накаченные косметологами. Худовата для современных образчиков красоты. Полные женщины мне также не нравились, но Ксения была явно склонна к полноте, так как ее худоба выглядела нездоровой.

Так что женщина привлекательная, не без изъянов во внешности, но приятна на вид. И все... никаких романтических амуров вокруг не летали.

– Оставь нас, Владыко! – повелел я Игнатию. – Далеко не отходи, почти мой указ о создании правительства. Это еще токмо мысли, может, дельного чего подскажешь.

Выпроводив патриарха под благовидным предлогом, я улыбнулся. Потом еще раз улыбнулся, продолжая выдерживать паузу и вынуждать Ксению начинать разговор. Порой, первые

слова, со своими интонациями, могут сказать почти все и о том, как собеседник к вам относится, насколько он расположен и способен ли договариваться.

– Владыко Игнатий надоумил молчать? – спросил я, понимая, что пауза слишком затянулась.

– Просил не перечить тебе, – ответил звонкий голосок, в котором звенел... вот, обычно говорят «металл», но есть же сталь, медь, а есть серебро.

Голос Ксении я бы назвал «серебряным», прочным, холодным, дорогостоящим, вместе с тем приятным на слух. Наверное, таким голосом ее мать, Мария Скуратова-Бельская, управляла батюшкой, Годуновым.

– Я обидел тебя? – неожиданно для Ксении спросил я.

В разговоре иногда нужно выводить собеседника из равновесия, заставлять продумывать ответы, чтобы не получать неудобные вопросы.

– Ты силой взял меня! – удивленно отвечала Ксения, пытаясь поймать мой взгляд, как будто сможет рассмотреть в глазах моих нечто...

А, может, и смогла бы рассмотреть глаза – зеркало души, а душа у этого тела, что предстало перед бывшей царевной, явно иная.

– А ты посмотри на то иначе, Ксения Борисовна, – называя инокиню Ольгу по имени, даже по отчеству, я намекал или даже прямо говорил, что уже склонен видеть ее не монашкой. – Не будь ты подле меня, пусть и с насилием, так и убили бы.

– Может лучше и смерть, но грех было накладывать на себя руки, – с нотками обиженности, говорила Годунова.

– Чадо в твоём чреве мое? Али Мосальского? – задал я следующий шокирующий женщину вопрос [некоторое время, до того, как стать наложницей Лжедмитрия Ксения прожила в доме убийцы своего отца, Мосальского].

– Ты... ты... – закипала в негодовании Ксения.

Я наблюдал за теми метаморфозами, что проявлялись на лице... симпатичном, все же лице, Ксении. Вот она негодует, силясь не оскорбить меня, или даже бросится с кулаками, потом тяжело дышит, стараясь взять себя в руки. Через некоторое время, все тем же серебряным голосом царевна, умевшая себя контролировать, ответила:

– Тать и убийца Мосальский берег меня для тебя. После, словно расписное блюдо, подарил. Ты знать о том должен был. Отчего спрашиваешь то, что ведаешь сам? – вот и ожидаемое сомнение в том, что я – это тот самый Димитрий, кого Ксения знала ранее.

– Не думаешь ли ты, царевна, что есть то, что и позабыть желаю? Как рыдал у тебя на коленях, как был слаб, словно и не муж, как вел себя недостойно. Иной я нынче, – отвечал я.

Про взаимоотношения бывшего хозяина моего тела с Ксенией Борисовной было известно не так много. Даже покойный Басманов, который, казалось, держал ту самую свечку, о которой немало анекдотов осталось в моем времени, и то помнил лишь, что часто Ксения плакала, кричала, когда я ее... Знал Петр Басманов, что и я плакал, когда прибыла Марина Мнишек, но после увлекся уже полячкой.

– Как ты, Ксения Борисовна, как ко мне относишься? – очередной шокирующий вопрос.

Пауза и тишина говорили о том, что я вряд ли дожусь ответа. Может, и перегнул палку. Спрашивать у девы, пусть не девы, женщины, о том, как она ко мне относится, это нарушение устоев, наверное, я в этом времени мало еще общался с женщинами, хотя организм и требовал, чтобы понимать их. По правде сказать, не слишком большим знатоком женщин я был и в покинутом будущем.

– Иной ты, прав был Владыко, – сказала Ксения и в этом ответе я смог немалое услышать.

Во-первых, еще Игнатий говорил, что Ксения не желала называть его ранее Владыкой, признавая, что патриарх на Руси только Иов, причем она в этом была права. Сейчас высший церковный сановник, Игнатий, который ассоциировался только со мной, поставлен исполнять

обязанности патриарха исключительно лишь моей волей. Следовательно, женщина признает меня, может, и частично.

– Я желаю, чтобы имя отца твоего, как и брата, и матери, перестали хулить. Перехоронить царя Федора Борисовича и царицу Марию Малютовну, – перешел я уже к сути проблемы.

– А батюшку моего ты же повелел достать из гробовины и порубать, да скинуть в реку, – меня одарили злым, отчаянным взглядом.

– Ты услышала ли меня, Ксения Борисовна, али ты все еще инокиня Ольга? – не серебряным, но стальным голосом, спросил я.

Намек был понят Ксенией. Она прикусила губки... может и не такие они и некрасивые, даже, напротив...

– Кто я для тебя... иного тебя? – растерянно спросила девушка.

Именно девушка, так как, несмотря на то, что ее живот выпирал даже из бесформенного сарафана, она была юна, но уже достаточно взрослая, чтобы восприниматься мной, как мужчиной. В ее глазах появился блеск от выделений слезных желез, она стала такой... беззащитной. Мне захотелось оградить Ксению от всех невзгод, создать все условия, чтобы родился здоровый ребенок. Я отводил этот морок, но получалось так себе. Я защитник, она нуждается в защите. Оставалась бы такой независимой, так нет же, слезы...

– Ты нужна мне, кабы скрепить державу, обзавестись наследником и стать прочно на троне. Ты будешь царицей, но не стану позволять тебе повелевать мной. Любая крамола супротив... – я не стал продолжать, и так было понятно, что произойдет.

– А сколь ты, государь-император, жалеешь меня? – опустив глаза, спрашивала о любви женщина.

Она все еще витала в облаках, чувства все еще важны, не очерствела окончательно после насилия и монастырского уединения. Может, все женщины в любом состоянии тоскуют о любви?

– Ты мне нужна, Ксения Борисовна, стань мне женой венчанной, а для Российской империи государыней, но буде воля, что не станешь ты править, токмо дети наши, – сказал я, не стараясь смягчать слова и формулировки, но это было, по крайней мере, честно, не полюбил я вдруг, но эти глаза, губки...

Глава 2

Глава 2

Новгород

5 августа 1606

Василий Иванович негодовал. Сколько еще нужно хитрить, интриговать, воевать, чтобы основательно сесть на трон в Москве? Он сыграл, не мог не решиться, и, получается, проиграл.

«Кто я сейчас?» – думал Шуйский, негодуя от того, как вальяжно рядом с ним ведет себя шведский генерал Якоб Делагарди.

– О чем думаете, герцог? – спросил шведский генерал, наслаждаясь реакцией Шуйского.

Герцог – титул до конца даже не понятый в России. Шуйский же рассчитывал на то, что он царь, государь, что шведы подчинятся ему и вновь посадят на Москве. Именно об этом были договоренности. Он платит шведам за войско, это войско садит Шуйского на трон, Василий Иванович начинает войну с Речью Посполитой. Все просто и особых обходных путей и хитрых формулировок в договоренностей не может быть.

Конечно же таких договоров не было. В документе, что так и не подписал Шуйский, было прописано «царь», но не имя монарха. Этот «царь» должен был стать союзником Швеции, ну и отдать часть территорий шведскому королю. И первоначально то, что написано «царь», но не указано, что это Василий Иоаннович, не покорило и не насторожило Шуйского. Теперь же он понял, что шведам, по сути, он не нужен. Им нужны территории и вступление Московского царства в войну с Польшей и все... не важно кто будет в Москве. И все говорило о том, что Василий Иванович для шведов лишь некоторый, даже не обязательный фактор легитимности захвата Северной Руси. Вот и придумали странное Герцогство Новгородское.

– Я мыслю, что ты, генерал Делагарди, пользуешь меня до поры, опосля и скинешь, – сказал Шуйский обреченным тоном.

Василий Иванович уже успел понять, какую ошибку он совершил, побежав в Новгород. Еще в одном он ошибся, когда преспокойно впустил в город корпус Делагарди. Теперь Новгород сплошь немецкий. На улицах старинного русского города можно услышать шведскую речь, картавый говор французов-кавалеристов, даже чухонцы-финны кажутся хозяевами в Новгороде в большей степени, чем сами новгородцы.

– Не совсем так, герцог. Вы нужны мой король, а мой королевство нужно вам, – Делагарди наслаждался унижением бывшего русского царя.

Якоб Пунтоссон Делагарди прекрасно знал, как вели себя московские цари, когда отказывались принимать шведское посольство, не воспринимая Швецию, как независимое государство [Московское царство настаивало, чтобы сношения со Швецией проходили только через Новгород, открыто утверждая, что шведы не доросли до того, чтобы иметь представительство в Москве].

Сперва русские считали, что Швеция незаконно отложила от Дании и не имеет статуса, равного царству. После, признавая за Сигизмундом право на шведский престол, русские цари юлили и отреклись от общения со Швецией. Сейчас же время расставляет по местам правых и виноватых, и Москва, погрязшая в междоусобице, уже сама может оказаться в роли недогосударства.

– Ты, немец, меня ограбил, словно тать... – в очередной раз Шуйский стал обвинять Делагарди в том, что шведский генерал отлучил Василия Ивановича от привезенной им же царской казны.

– Ты, не в том положение, кабы лаять на я, – взъярился Якоб.

Делагарди уважал силу, честность на поле боя, он презирал интриги и слабых людей, ненавидел отчаявшихся. И Шуйский ему казался именно таким, отчаявшимся, сдавшимся человеком.

Василий Иванович не стал отвечать. Его три сотни человек, с которыми он пришел в Новгород, из которых еще и часть была раненых, никак не могли претендовать на силу, с которой следует считаться. Местные же элиты с большим подозрением отнеслись к тому, что Новгороду следует отделиться от Московского царства и стать непонятным государственным образованием, скорее полностью зависящим от Швеции. Стоит вспомнить тот аспект, что Новгород был практически полностью заселен людьми из Москвы, чтобы уменьшить региональный сепаратизм. Многие бывшие москвичи освоились и стали вести себя, как и прежние новгородцы, но чувство неотъемлемой связи с Москвой сохранялось.

Вместе с тем, боярские дети, дворянство, не спешило ополчаться и реагировать на шведскую угрозу. Во-первых, далеко не все видели ту самую угрозу, во-вторых, часть тех, кто мог бы с оружием в руках противостоять шведам, ушла в Карелу и еще ранее положила головы свои за Шуйского в битве при Лопасной.

Корела же город, наотрез отказалась подчиняться захватчикам. Именно так, без каких-либо допущений, шведы для горожан Корелы были захватчиками [в РИ именно Карела оказала наиболее ожесточенное сопротивление шведской интервенции]. Потому в Новгороде оставались лоялисты, которых волновало лишь одно – как шведы решат вопрос с продовольствием.

Как только стало известно, что шведы подошли к Новгороду, даже еще туда не вошли, из Торжка сразу же прекратились поставки зерна, меда, воска и всего того, чем снабжался Новгород. Торжок закрылся и стал готовиться к обороне. Ходили слухи, что местный воевода отправил письмо в Москву, с просьбой о помощи. И эта помощь, мало кто в этом сомневался, должна прийти. Не только через Торжок шли поставки продовольствия и товаров, но, как только станет в Москве понятно, что именно происходит, все пути-дорожки в Новгород перекроют.

Нельзя сказать, что новгородцев ожидает голод. Зиму перезимовать удастся, в хранилищах есть зерно, даже с учетом шведского двенадцатитысячного корпуса. Но, сытно никому не будет, а по весне нужно что-то делать и искать зерно, иначе летом будет голод. И есть деньги, но не у кого покупать продовольствие. С Речью Посполитой война, с Данией враждебный нейтралитет, Россия теперь так же закрывается.

– Генерал, мы перехватили группу лиц, которые имели при себе письмо к герцогу, – сообщил вошедший без стука или спроса ротмистр.

Шуйский не понял, что было сказано, он только немного знал шведский язык, но слово «письмо» и «герцог» разобрать было несложно.

– Если ты, генерал, еще и мою переписку забирать станешь, я отказываюсь что-либо делать и при случае, призову людей к сопротивлению, – еще минуту назад перед Делагарди был опустошенный человек, сейчас же швед французского происхождения видел особу, которая может подчинять.

– Письмо! – потребовал Делагарди и ротмистр протянул генералу бумажный сверток.

– Читайте! – сказал шведский военачальник, протягивая нераспечатанное письмо Шуйскому.

Василий Иоаннович отошел к печной трубе и переломил печать свертка. Письмо было адресовано не только Шуйскому, но и Делагарди.

– Вы мне сообщить, что пишет Димитрий? – спросил Якоб, его голос сочился желчью и угрозой.

– Тут и тебя в письме написано, – сказал Василий Иванович и пересказал сущность предложений.

Самозванец писал из Москвы, что уже готов объявить войну Швеции и скоро начнет переговоры с Речью Посполитой, чтобы Сигизмунд оказал помощь. Но этого можно избежать

очень простым решением: шведы оставляют Новгород. Так как уплачены деньги и большие, за наем корпуса, Делагарди приписывается прибыть в Москву для согласования действий против Могилевского вора и поддерживающих его поляков. В случае же отрицательного ответа, Российская империя считает нахождение шведов в Новгороде актом агрессии, объявляет шведскому королю войну и, естественно, прекращает любые торговые операции, как со Шведским королевством, так и со всеми оккупированными территориями. Так же может рассматриваться мирный договор, в случае желания Швеции вести себя, как добропорядочный сосед.

– Это все? – спросил Делагарди.

Шуйский молчал. Это было не все. Самозванец в конце письма приписывал, что готов заплатить за голову Василия Ивановича две тысячи рублей. Это были большие деньги, более чем достаточные, чтобы подвигнуть кого-либо на убийство. В стане генерала Делагарди было много различного рода наемников, отряды которых получали за год найма многим меньше серебра. А еще были и новгородцы, да Шуйский уже не был уверен и в своих людях. Кроме того, если голову смещенного царя подаст кто-нибудь из виновников-участников незаконного воцарения Шуйского, то этого человека ожидает всепрощение и та же награда.

– Это все? – повторил письмо шведский генерал с нажимом.

– Все! – солгал Шуйский и подошел к свечи.

– Ротмистр! Письмо! – поспешил сказать Делагарди и бравый офицер лихо подскочил к бывшему русскому царю, беспардонно оттолкнул того от огня и, заломив руку, вырвал письмо.

Через три минуты Делагарди смеялся. Ему прочитали письмо а генерала сильно позабыла реакция Шуйского, который пыхтел, трясся от злости, но несвязанный и ничем не обремененный, не сдвигался с места, словно его приковали к полу.

– Ротмистр, поставьте охрану герцогу и не выпускайте его никуда, естественно, ради его собственной безопасности, – отсмеявшись сказал Делагарди.

Вместе с тем, генерал сегодня же даст распоряжение усилить бдительность и ограничить новгородцев в свободе перемещения. На улицах города станут действовать посты, на площадях будут дежурить конные французы. Не то, чтобы шведский военачальник опасался восстания или еще каких неприятностей, но, по сути, арест Шуйского – это не до конца продуманный ход, поэтому нужно готовиться к неожиданностям. Поведение Шуйского, который в последние дни только и делает, что идет на конфликт с Делагарди и демонстрирует психологическую неустойчивость, не предполагало сотрудничества. Более того, генерал предположил, что эмоции спровоцируют Василия Ивановича на неадекватные действия и поэтому, пусть отдохнет.

– Сильно роптал царь? – спросил Делагарди у ротмистра, когда тот вернулся с отчетом, что выполнил поручение.

– Кричать стал, проклинать! – спокойно отвечал офицер.

– Приведите мне посла Головина, – задумчиво сказал Делагарди.

Генерал размышлял над тем, что ему делать далее. Сотрудничество с Шуйским не удастся. Много спеси у боярина, неприятие реального положения. Да, Делагарди забрал казну, что привез с собой Шуйский, но пока ее не растратил, напротив, эти немалые деньги шведский военачальник планировал вложить в войну.

Делагарди получил большие полномочия от короля, вместе с тем имея слишком много недоброжелателей в Швеции, где его, почти француза, да еще из Ревеля, не так давно ставшим шведским городом, считали выскочкой. Если получится проявить себя, многие остерегутся открывать рот. Вместе с тем, Сигизмунд вошел в стадию обостренного конфликта с Сеймом и не сможет адекватно реагировать на новое обострение продолжающейся войны.

Но был иной нюанс – это земли, которые должны отойти Швеции. Новгород уже взят, но Корела, которая, может еще больше интересна королевству, сопротивляется. Если новый царь пойдет на соглашение, то Шуйский уже не нужен. За две тысячи рублей, Делагарди прикажет отрубить голову бывшему русскому царю.

– Господин Головин, – Делгарди говорил с Семеном Васильевичем на шведском языке, так как посол не лучшим образом, но умел понимать и изъясняться на шведском. – Что вы знаете о судьбе Скопин-Шуйского? Он женат на вашей сестре?

Головин удивился осведомленности шведского генерала. Делгарди основательно подходил к своей деятельности, будь то военные мероприятия или работа на дипломатическом поприще. Кто есть такой Головин, шведский генерал узнал из разных источников, в том числе и от Шуйского. Насчет же интереса к личности Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, то Делгарди изучал потенциальных своих противников, или, напротив, союзников. Знать о противнике все, что возможно! Это кредо Делгарди.

– Прежде чем отвечать на вопросы, господин генерал, я бы хотел понять, что происходит, – Головин с вызовом посмотрел на Делгарди.

– Хорошо! – нехотя согласился швед, протягивая письмо, которое сам час назад читал.

– Вы нарушаете договоренности. Но я понимаю, что нравоучения и призывы к верности слову, тут не уместны, царствует реальная политика. И скажу, что ваша ставка на Димитрия Иоанновича не оправдывается. Я знаю наверняка, что более последовательного польского союзника, чем новый хозяин Кремля, нет. Я имел не раз разговор с Димитрием, – с чувством достоинства говорил Головин. – Что же касается Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, то у вас неправильные данные, он еще не приходится мне зятем, с моей сестрой Анастасией они сговорены, но еще не венчаны [в РИ обвенчались в 1607 году]

– Ваш сюзерен, Шуйский, проявляет... неустойчивость и непоследовательность в словах и действиях, – сказал Делгарди и поймал себя на мысли, что по непонятной причине, он оправдывается.

Головин казался невозмутим. Он уже понял, что с Шуйским идти рука об руку – это приближаться к пропасти. Вместе с тем, чувство достоинства и верность слову, не позволяли Семену Васильевичу отказаться от некогда своего царя. И тут послу очень хотелось, чтобы образовался такой повод к, по сути, предательству, чтобы внешне сохранить честность, но убраться по дальше от Шуйского и постараться спасти свою семью.

– Вместе с тем, я прошу вас отправится в Москву и провести предварительные переговоры с царем... – видя замешательство посла, Делгарди неправильно расценил растерянность Головина. – Ну не считаете же вы, что Василий Шуйский вновь сможет занять Москву?

– Вы не поняли мое возмущение, – жестко сказал Головин. – Какое право вы, генерал, имеете, чтобы распоряжаться русским послом в угоду интересам иного государства? Нарушая обязательства, по которым именно вы должны были сопроводить Василия Четвертого Иоанновича, уничтожаете остатки чести свои, да и мои [автор исходит из того, что Делгарди в РИ действовал постоянно только соответственно национальным интересам Швеции, нарушая договоренности, пусть его и несколько предали Шуйские].

Делгарди теперь ощутил те эмоции, от проявления которых в Шуйском еще не недавно смеялся. Вот он, человек, который ему нужен. Головин идеально вписывался в план Делгарди. Именно он мог первоначально донести посолу Димитрию Иоанновичу о возможности договориться. При этом он, шведский генерал, мог всегда откреститься от переговоров, сказать, что никого из шведов не посылал к русскому царю, что придерживается взятых договоренностей, а миссия Головина – это не более, чем частная инициатива бывшего посла в Швеции.

– Какие гарантии моей безопасности? – неожиданно для Делгарди спросил Семен Васильевич.

– Так вы согласны? – недоуменно сказал генерал.

– Гарантии, генерал? Меня могут просто казнить! Или не просто... мы, русские не сильно уступаем вам в искусстве жестоких казней. Так что гарантии! – настаивал Головин.

На самом деле, Семен Васильевич увидел в предложении шведа шанс для того, чтобы спасти свою семью. Его отец Василий Петрович Головин деятельно поддержал Шуйского, являлся

его казначеем, правда только получил должность и не успел ничего сделать, слишком быстро поменялась власть. Сестра Семена Васильевича так же могла попасть под опалу, в том числе из-за его, русского посла, который не оставил Василия Шуйского, даже после падения царя с Олимпа. Под гарантиями от шведов Головин может осмотреться в Москве, выполнить какое-нибудь поручение Димитрия Иоанновича, может и сложится еще жизнь и Анастасия, сестра, выйдет замуж за Михаила, который, вроде бы пленник, но какой-то странный, приближенный к царю.

– Боюсь, что гарантии Вам не понравятся, – после паузы, сказал Делагарди.

Да, Головину не понравились гарантии, основу которой составляла жизнь Василия Ивановича Шуйского. Шведский генерал при условии начала переговоров с Дмитрием Ивановичем, отдавал на растерзание бывшего русского царя.

– Я отправлюсь в Москву, – холодно сказал Головин и не прощаясь, ушел с комнаты, которую еще недавно занимал беглый царь Василий Иванович Шуйский.

**.....*

Москва

10 августа 1606 года

– Вжух, шух, дзынь! – раздавалось во дворе царских палат в Кремле.

Эти звуки чередовались с тяжелым дыханием.

Это я осваивал сабельный бой. Нужно соответствовать эпохе. Нет, нужно двигать эпоху вперед! И я был уверен, что для прогрессорства в области фехтования, мне хватит моих знаний и умений в ножевом бое, а так же немного занятий кен-до. Рассчитывая на сознание человека будущего, где единоборства и наука убивать себе подобных, достигли своего апогея, уже видел себя через год отличным фехтовальщиком.

Что это вообще? Почему я могу так заблуждаться, словно наивный подросток-мечтатель? Опытные саблисты поставили меня на место и заставили начинать с азов и тренироваться всерьез.

И теперь, когда я отошел от отравления и даже поднабрал массу, нужны тренировки. Пусть из меня фехтовальщик так себе, но я могу в этот мир привнести немало новшеств, которые позволят бояться если не русской сабли, то русского кулака, точно. А еще ножевой бой. Хотя, может в дальнейшем и сложится «русская дестреза» [дестреза – система фехтования, родом из Испании].

Кстати, я такой вот герой-превозмагатор взял шпагу, покрутил с ней танцевальные па, а потом, с уверенностью, что сабля стоит в системе эволюции клинкового оружия на ступеньку ниже, вышел со средненьким бойцом. Средним, так как в поединках между моими охранниками он с трудом выиграл два поединка на деревянных палках-имитаторах сабли, но четыре проиграл. Меня, с моей шпагой, вынесли в одну калитку и рукопашная подготовка не помогла.

Я видел, что шпага может поражать саблю, но крайне сложно, и опять же все зависит только от индивидуального мастерства и саблиста и шпажиста. Последний должен обладать исключительной реакцией, чтобы поразить соперника, когда саблист совершает замах. Ну а парировать удар сабли, особенно снизу вверх, наверное, невозможно.

Так что пусть Дартаньяны и танцуют со шпагами, далеко не факт, что хорошего польского саблиста юркому гасконцу удалось бы уделать. Польского, потому как польская школа сабельного боя была или лучшей, или не хуже венгерской.

Я же загорелся и решил осваивать оба вида оружия. Может быть, в будущем смогу подобрать, к примеру, для гвардии самое уместное холодное оружие, но пока акцентироваться стану на сабле.

– Ну все, хватит! – взмолился я.

Не столько устал, сколь заиграло самолюбие, когда не могу достойно накидать противнику.

– Подлый бой! – усмехнулся я, видя понурые лица моих охранников.

Вот теперь я отыграюсь. Потешу свое эго.

У меня в охране двадцать четыре человека. И еще на просмотре четверо. Две полных смены по двенадцать человек. Кроме Ермолая, касимовцев Али, Бакра и Саида, были казачки, четверо рязанских дворян.

– Егорка, становись! – позвал я молодого парня, который был сегодня на просмотре.

Я просил Шаховского, которого собирался назначить Первым воеводой Москвы, а после реформы он станет воеводой и всего Московского воеводства, определить, кто из москвичей был столь активным, что смог организовать людей и даже захватить Спасские ворота. Без артиллерии, с наспех сделанными лестницами, простые горожане, взяли на приступ крепость. Разыскать таких умельцев нужно было уже потому, чтобы в какой иной момент не был взят на приступ Кремль, со мной внутри крепости.

Молодой парень из казаков, но бежавший от несправедливости и жестокости, пришел в Москву и поддержал меня, первым войдя на стены Кремля. Как такого удальца не запримечить? Тем более, что как выяснилось, в том бою он командовал десятком горожан. Может это еще одно дарование?

– Меня не жалеть! Себя пожалей! – сказал я, заступая на площадку с обильно насыпанным песком, чтобы уменьшить вероятность травм.

Бью прямым правой рукой. Егор чуть смещается вправо и пробивает мне ногой по колену. Чуть смещаюсь, делаю замах, чтобы ударить левый боковой, в меня уже летит прямой удар ноги. Ухожу влево, подбивая ногу противника и иду на захват правой руки Егора. Парень выворачивает руку и пытается меня подсечь. Бью противника по опорной ноге. Повержен.

– Кто научил? – удивленно спросил я, парень показал очень даже высокий уровень.

– Так и батька и дядьки, – отвечал Егор.

– Донец? – спросил я и получив положительный ответ, обратился к Ермолаю. – Как на саблях бьется?

– Добре, государь! – ответил Ермолай.

– Отчего иные так не могут? – спросил я уже у всех.

– Так кто ж такое наставничать станет? – удивился один из казаков Елисей Платка.

– От чего тебе наставничали, али ты особенный? – спросил я у Егора.

– Государь, так я у одного одно подгляжу, у иного, иное. В сечи примечал, яко казаки бьются, – сконфузился парень, говорил, потупив взор.

Ну? Крепка Русь своими идиотами и гениями? Сейчас мне повезло и я нарвался на гения. Да, движения не отточенные, сумбурные, но Егор интуитивно выстраивает бой, кого иного, он бы в рукопашном бою уделал бы в два движения.

– Венчан? – спросил я парня.

– Есть сговореная дева! – ответил Егор.

– Ермолай! – сказал я.

– Уразумел, государь-амператор, все по чести слажу, – ответил Ерема, который все еще оставался у меня главой охраны, несмотря на то, что он-то, как раз уровнем чуть ниже среднего. Но привычка...

– Государь-император! – обратился ко мне Лука Латрыга, только что подошедший к оцепленному периметру.

Пусть в Кремле, и на тренировке со своими же охранниками, но одна смена тренируется, а вторая, бдит, работает. Подходить ко мне ближе, чем на десять метров без на то моего позволения можно только патриарху... и пока все. Ксении еще нельзя. А близкой прислуге, можно,

но после проверки. И, может, эти меры чрезмерные, но они несут профилактическую составляющую. Будут видеть все вокруг, как меня охраняют, не станут мыслить о покушении.

– Пропустите! – сказал я, и Лука, мой секретарь, протиснулся через заслон из охранников. – Ну, что?

– Захар Петрович прибыл со старцем Иовом, да вестовой прискакал с тем, что до вечера придут ляхи великовельможные, что в Ярославле томились, – сообщил Лука и я, естественно, пошел работать.

За государственными делами не получится и хорошую форму набрать.

Быстро обмывшись в бочке с водой, накинув свежую рубаху, что подала моя служанка Лянка, я поспешил в кабинет, возле которого, по словам Луки, уже должен ожидать Иов.

И, действительно, как-то получалась избыточная концентрация патриархов на один квадратный метр. Игнатий стоял чуть поодаль, Иов же, несмотря на свою слепоту и старость, выглядел более величественно, чем все собравшиеся.

– Государь, – ко мне подошел, после разрешения от охраны, Захарий Ляпунов. – Старец весьма грозный. Я не стал страшить его смертью, пустое то, не забоится, а упрется и вовсе.

Захарий Петрович в очередной раз продемонстрировал гибкость и разумный подход. Что ж, пару очков Грифиндору... Ляпунову.

– Владыко! – обратился я к Иову, но среагировал Игнатий чуть подался вперед.

– Сложно, когда много тех, кто должен быть один? – сказал Иов, как будто увидев мою неловкость. А увидеть он не мог, полностью старик ослеп.

– От того, Владыко и смиренно прошу те... – начал я объяснять, но был перебит.

– Я тут от того, кабы услышать тебя, – говорил первый русский патриарх. – Был у меня Гришка... смысленый, но съедали его мысли о грехопадении. То Федор Никитич Романов просил за отрока [Григорий Отрепьев, скорее всего, был знаком с Романовыми, Отрепьевы владели землей рядом с Романовыми]. Разумник был, токмо грызли его бесы. Твой голос схож с его, грубее токмо, у того звенящий был, словно у девы.

Штирлиц еще никогда так не был близок к провалу. Сердце стучало, как никогда, не аллегорично, действительно, ранее даже в критической ситуации, я так не волновался. Глупость, ошибку я совершил, когда решил в преемственность патриархов поиграть. Но волю в кулак и ни как не показывать волнения.

– Вот и Шуйский меня называл Гришкой Отрепьевым. Ну коли я был бы им, так признали бы. Он же с тобой был, когда ты сживал и на Боярской Думе? Признали бы, многие его видали, – я старался говорить ровно, несмотря на сердцебиение.

У Агаты Кристи в одной из книг вычитал, что тот, кто оправдывается, обвиняет себя. И сейчас я оправдывался?

– Кабы узреть тебя, так и сказал бы. Но все ж иной ты, речешь не так, – Иов задумался. – Где Ксения?

– Кликни царевну! – повелел я одному из охранников.

– Царевну? Пошто ты стращаешь деву, лести и ласки ей даешь, надежды, опосля изнов бросишь? Мало она терпела? – нравоучительно говорил Иов.

Мне нравился старец. От него веяло мощью, мудростью, верностью. Он остается верен той семье, которой служил, или вместе с которой служил. Мне и Борис, как правитель, симпатичен. Много он начинаний разумных ввел, да только мало успел, помер. И в смерти первого выбранного царя, если не считать призванного конунга Рюрика, много вопросов. Какая была бы Русь, если бы Годуновы правили? Уверен, что сильнее. По крайней мере, Смуты и упадка не случилось бы.

– Отче! – в кабинет зашла Ксения и ее глубокие, карие глаза сразу же увлажнились. – Как ты, по здорову ли?

– Какое здоровье Дочка? Господь все не прибирает, не знамо для чего еще живу. Вот тебя услышал, – на старческом лице появилось подобие улыбки. – Забижает тать-сластолюбец?

– Выйти всем! Владыко Игнатий, такоже прошу, выйди! – сказал я, выпроваживая всех. Старик сейчас так уронит своими словами мой авторитет, что придется сменить или убить всех слышащих оскорбления.

– Владыко, он не забижает. Уже не забижает, – сказала Ксения и сверкнула на меня глазами.

Вот как получается у женщин так смотреть? Это природное? Еще неандерталки такими взглядами соблазняли своих неандертальцев?

– Что? Жалеешь татя? – говорил Иов, как будто меня рядом не было.

И не угрожать же ему, да и отправить обратно в Старицу смогу в любой момент. Было у меня уважение к Иову, человек он, как говорят, со стержнем. Я всегда таких уважал, кто за свои принципы и идеалы стоит до конца. Не всегда понимал этих людей, но уважал. Так что потерпим.

Ксения не отвечала, а мне было любопытно, жалеет или нет.

– Вот и молчи, девка. А то прознает, что жалеешь его... а он тать и есть, – сказал старец, чуть повернулся, уже обращаясь ко мне. – Сделаю все, что просишь, но крест при Игнатии поцелуешь и на иконе поклянешься, что зла более Ксении Борисовне не учинишь.

– Нет! – решительно сказал я.

– Отчего отказался, зло задумал? – спросил Иов.

– Нет, Владыко, токмо не пристало мне клятвы такие давать. Я решил уже венчаться с Ксенией, остальное, как сложится жизнь, – сказал я, уже намереваясь вызвать Захария Ляпунова и дать тому поручение, чтобы у старика до конца его дней не было ни в чем нужды, несмотря на то, что он мне не помощник.

– Не, точно ты не Гришка, голос его, но ты не он. Тот бы и крест целовал, абы токмо свое заполнить, – сказал Иов.

– Так и я, Владыко, готов, абы дело спорилось, любую лжу говорить, – признался я.

– Любую, да не всю и не всем. Мне не лжешь. Говори, чего хочешь от меня! – сказал старик, приобняв Ксению, которая тихо плакала на груди рослого, но уже терявшего стати, сгорбленного старика.

– Лука! – выкрикнул я секретарю. – Ляхи приедут, посели их в Кремле, но охрану приставь, неча ходить, да гулять. И чай принеси, да снеди. Отобедаем втроем.

– А и то дело, Димитрий Иоаннович, отобедать, – сказал пока еще патриарх, но резко посерьезнел и сменил тему. – Кабы за седмицу невинноубиенного Федора Борисовича, да Марию перехоронили, яко царственных. На том стоять буду!

– Отче, то уже завтра сдеятся, – сказала Ксения.

– Вот и добре. А ты, дочка, прощай. Тяжко жить с камнем на сердце. Бог даст, жить еще будешь долго и мужней женой, – говорил Иов, поглаживая Ксению по голове.

На следующий день, Иов принимал участие в церемонии перезахоронения тел брата и матери Ксении. Моя будущая жена рыдала так, что я начал беспокоиться за ребенка.

Чуть позже, бирючи уже кричали вести по Москве, что я собираюсь венчаться на Ксении Борисовне, что признал я того ребенка, что она носит, своим, что патриарх Иов признал постриг девицы Ксении не каноничным, сделанным с нарушениями. По Москве разбрелись люди, чтобы послушать общественное мнение от новостей, да мне доложить. Всяко новостей много и они неоднозначные.

Ну а после мы поехали в Троице-Сергиеву лавру, что бы там, при скоплении людей, Иов отрекся от патриаршества и утвердил решение о возведении в патриархи Игнатия. Был при этом и Гермоген, которому я, не лично, а через посольных, предложил стать Новгородским митрополитом или Тобольским, на выбор. Правда и выбора у него не было. Он не поклонился

мне, спесь проявлял. Потому завтра уже не будет деятеля в Москве, а в Сибири появится на одного священника больше.

Глава 3

Глава 3

Варшава

12 августа 1606

– Скажите, Петр, вот отчего так складывается, что при моем дворе умеют работать только иезуиты и шведы с имперцами? Меня шляхта обвиняет в том, что я приблизил иностранцев и вас, иезуитов, но никак не великовельможное панство, – сокрушался Сигизмунд III Ваза.

– Это лень, Ваше Величество и шляхетский гонор. Быть рядом с Вами хотят многие, может и все, но нет тех, кто готов служить, лишь все считают, что могут советовать, – отвечал иезуит Петр Скарга, один из представителей Ордена Иезуитов при дворе короля.

– Вы вновь подменяете понятия и играете словами? Больше советов, чем я слышу от иезуитов, мне никто не дает. Но вы, конечно, скажете, что иезуиты слуги, как и все остальные, лишь следует единственно правильным путем для достижения всеобщего блага, – король злился.

– Ваше Величество, вы сказали многим лучше, чем это сделал я, – Скарга улыбнулся.

Сигизмунд действовал по наущению иезуитов и сейчас он оказался в сложнейшей ситуации: с одной стороны, все еще незаконченная война со Швецией, где у Сигизмунда вероломно отобрали корону, с другой, рокош Зебжидовского. Казалось, что для короля более чем достаточно испытаний. Но нет же, приходит письмо с угрозами от лжеца, который уселся на русский трон.

Королю Речи Посполитой докладывали, Димитрий Иванович, тот, которого сместили, чуть не убили, но он вновь взял Москву, никак не может быть сыном Ивана Мучителя. Кто он такой, на самом деле, так же не знали, а выпытывать правду от фигуры, столь удобной для Речи Посполитой и лично Сигизмунда, было не с руки. По манере держаться и по образованию, вполне царственный, но и достаточно, главное, чтобы ему, Сигизмунду, было выгодно существование этого человека.

В конце концов, кто бы он ни был, у короля замаячила реальная возможность заполучить собственный домен на пока еще московитских землях. Своя, коронная земля – это независимость и приведение к покорности депутатов Сейма.

– Читайте сей опус безумца! – потребовал Сигизмунд, передавая письмо от русского царя Петру Скарге.

Лицо иезуита внешне было спокойным, без лишней мимики, но внутренне Скарга, писатель, книгопечатник, но, прежде всего, иезуит, негодовал.

– Ну? – нетерпеливо спросил король, начиная свои традиционные нервозные хождения, выписывая затейливые виражи между мебелью в королевском кабинете.

Петр Скарга молчал, думал. Иезуит некогда достаточно плотно работал с тем, кто объявил себя сыном русского царя. То, как именно написано письмо, формулировка, уверенность и решительность в поступках, лишь намек на возможные переговоры, но требования уступок прежде, чем начать вообще общение. Что это? Блеф? Так с польским королем не спел общаться даже Иван Мучитель, может и лалял в своем кругу, но в письмах оставался более вежливым. А этот... католик, что возомнил себя православным государем!..

– Нужно, Ваше Величество, узнать, кто диктует Димитру такие тексты. Это не он писал, – иезуит озвучил один из своих выводов.

– Посоветуйте, что делать! – потребовал король.

– Вы уже консультировались с гетманом Жолкевским или с Яном Сапегой о вероятности нанесения ответного удара со стороны Москвы? – спросил Скарга.

– Ответного? Я еще не начинал действовать чтобы всякого рода отрепье грозило отвечать! – взъярился король.

– Тот, кто стал править в Москве от лица Димитра отказывается принимать условия игры. Это такой типичный подход москвитов – они не понимают, что Речь Посполитая, король, шляхта – все это суть единое, но разные понятия, – говорил Скарга.

– Я не удивлен, что москвиты не понимают этого, если объяснять так заумно, как это делаете вы, то никто не поймет, – бурчал король.

– И все же, важно понимать, чем располагает Димитр. В то время, как не решен вопрос с Димитром, прозванным Могилевским, что под Брянском, есть еще один самозванец, вокруг которого концентрируются казаки, якобы Петр Федорович, внук Ивана Мучителя, – Петр Скарга уже начал подводить к нужным выводам короля, нужным ордену.

– Он способен собрать до тридцати тысяч войска. Это без учета иных, кроме, как донских казаков. Кто его знает, сколь много казаков и стрельцов в Сибири? – говорил король, находя доводы для прикрытия своей нерешительности.

– Не ищите, Ваше Величество, причин не принимать решения, ищите сами решения! – философски заметил иезуит.

– Перестаньте, пан Скарга, сыпать витиеватые фразы, они мне нравятся, но сейчас не уместны, – король зло посмотрел на Петра Скаргу.

Иезуит понял, что перегнул палку и что вот прямо сейчас может отправиться вон, без возможности видеться с королем, как минимум на неделю. Такое уже было, за что Скарга получил отлуп от своего начальства.

– Давайте вместе разберем, что требуют москвиты и на что именно они могут претендовать, – начал конструктивный разговор Скарга. – Первое и самое важное во всей этой истории, это как именно себя поведут шведы. Сами москвиты, да еще в период междоусобных войн, мало эффективны. У них нет знамя, идеи, за которые будут сражаться. Приход Димитра в Кремль не должен изменить этой ситуации, напротив, брожения в умах продолжится. И тут, если шведы станут рядом с Димитром, то смогут использовать денежные и людские ресурсы Москвы. Это для нас ужасный исход и поражение.

– Но в Новгороде сбежавший Шуйский. Мои соотечественники, этот узурпатор престола, Карл, уже действуют, – уловил логические построения одного из своих советников, Сигизмунд.

– Именно, потому, что Шуйский, а это явно ненадолго, нам не стоит опасаться русских. Заканчивайте победоносно бунт Зебжидовского и уже тогда и ответим на угрозы разгромом москвитов, – сказал иезуит и сам себе кивнул головой.

Это был такой жест-паразит, избавиться от которого Скарга не смог. Он всегда, когда говорил то, что думал, как бы соглашался с собой, кивая в завершении рассуждений. Ну а при тех эпизодах, когда иезуит лгал, он, соответственно, не кивал. Наблюдательные люди могли выявить такую особенность Петра Скарги, но еще никто даже не намекнул иезуиту, что его выдает язык жестов.

Вместе с тем, Скарга обязательно еще осмыслит все то, что написано в письме, может быть... нет же, обязательно, проведет консультации с военными и с людьми, которые что-то понимают в сельском хозяйстве и особенностях его ведения в Московии. Без элементарной пищи не может быть войско, да и власть становится слишком шаткой, когда народ голодает.

«Мой венценосный брат Сигизмунд» – Скарга мысленно озвучивал для себя письмо. – «Пишет тебе твой брат Димитрий Иоаннович, император Всероссийский».

– Всероссийский! – вслух повторил Петр Скарга.

– Что? – не расслышал король.

– Я о том, что пес беглый называет себя всероссийским. Это же показывает, что он не признает титул Великого князя литовского русского, жамойцкого и иная. Русского! А он пишет всероссийский, – объяснял Скарга.

«Ты король и повинен своих подданных в узде держать, но они грабят мои земли. Оттого и твоя вина есть», – продолжал мысленно повторять текст письма иезуит.

Вот эту часть послания Сигизмунду, иезуит решил лишний раз не озвучивать. Прямое обвинение, на грани оскорбления польского короля, с намеком на его беспомощность. Нужна была бы война, повод к ней уже есть.

– Я могу отозвать Меховецкого, призвать не воевать на землях Московии. Но тогда многие, кто сейчас в Московии своевольничает, вернуться на рокош, против меня. Тот же Лисовский. Он увел более тысячи человек от Зебжидовского, – оправдывался король.

«Коли до осени я не услышу решений и действенных призывов от монарха, что уразумит своих подданных, почну делать то с твоей державой, что ты с моей. Разорять и жечь. Токмо, брат мой, есть у нас общий враг – татары, что кожнае лето уводят тысячи людей с наших земель. Подумай, что лепей... слышать, как твои земли грабят, али то, как ты со мной вместе бьешь татарву».

– Спросите у гетмана, куда именно может последовать удар из Московии. У Димитра есть казаки, он может наслать их. Вряд ли ударит с юга, там сечевое казачество, с которым мы замирились, Сагайдачный не даст хозяйничать на Украинах. Он ничего не сделает, это пустые угрозы. Так что собака брешет, а на цепи сидит, – сказал Петр Скарга и стал ожидать, когда ему невыносимо сильно захочется кивнуть, соглашаясь с самим собой.

Но кивок не приходил, что-то мешало кивнуть, согласиться. Иезуит верил, что не врал, он говорил о том, о чем и сам думал, но кивка не случилось.

* * *

Москва

14 августа 1606 года

– Чего рыдаешь, дура-баба? – незлобиво, даже участливо, спросил, Егор у Милки.

– Счастье мое бабье не долгое, – всхлипывала Милка.

– Ну говорю же, дура-баба. Мы венчаны, я доволен тобой и домашним строем, что ты сладила. Не забижаю тебя. Так чего рыдать? – удивлялся Егор, не принимая аргументы своей уже венчанной жены.

Егора все-таки приняли в ближние рынды государя. Не рынды, а «телохранители», но многие по старинке называют бодигардов рындами. Теперь Егор может быть дома не больше трех, даже не дней, но лишь ночей, в седмицу. Остальное время: либо тренировки, либо сама, непосредственно, служба.

И Егор был счастлив. Он не говорил Милке, не стоит жене нервничать, но уже скоро казак может получить и отчество и стать дворянином. У государя не могут служить люди не дворянского сословия. Ну а Милка становится, стало быть, дворянской. Денег у них, чтобы соответствовать статусу, более нужного, тут и на боярство потянуть можно, так что скоро, очень скоро Егор станет Егором Ивановичем Игнатовым, если взять фамилию от деда Игната.

– Расскажи, что без меня два дня делала! – сказал Егор, вставая с семейного ложа, чтобы ополоснуться холодной водой.

Август выдался еще более жарким месяцем, чем часто дождливый июль и один из телохранителей государя постоянно окатывал себя водой. Егор принимал едкий запад конского пота и всего, что связано с животным, но может излучать специфический аромат. Однако парень не терпел собственную вонь, от того мылся чаще многих, по крайней мере, омывался водой.

– Марье допомогла, на Варварку ходила, купила хлеба, да овса три пуда закупила, – стала отчитываться Милка.

– Да ты мне расскажи, что люд московский говорит, Колотуша о чем вещает! – попросил Егор.

Не то, чтобы у него было задание от государя собирать информацию. Парень уже понял, что и такие сведения собираются по Москве и иным городам, но это делают другие люди. На самом деле, Егору было важно, что он уж точно на правильной стороне, что государь, которого он начинает искренне уважать и даже почитать, любим народом. Это ощущения сродни с теми, когда сыну приятно слышать от чужих людей, что его отец, на самом деле, геройский, правильный.

– Так говорят, что молиться стал часто государь, да примирил патриархов. То в народе ценят. Окромя того, ждут, что Юрьев день введет, да свободу даст. Устали люди от войн, потому многие желали бы примирения Димитриев. Невдомек людям отчего не признать нашему Димитрию того, могилевца, да приставить к службе. Там и внук Ивана Великого Петр Федорович, так и того нужно приветить по-родственному, царя-Шуйского отправить воеводой в Вятку. Так и кровь более не прольется, всем добре будет, согласие... – Милка замялась. – Иные говорят, что на кол всех бояр посадить, что они окромя заговоров ничего и не делают, такие також есть на Москве. Говорят, что бояре повинны оборонять, а по русской земле и ляхи и уже swei насильничают, да и казаки грабят.

Милка замялась. В их, уже семье, было не принято вспоминать те особенности знакомства, что имели место в деревне Демьяхи. Тогда погиб отец, брат, да вся, наверное, деревня была уничтожена. Саму Милку насильничал казацкий сотник. А тут она сама говорит о казаках и их бесчинствах.

Стук в дверь снял неловкость с лица Милки, которая корила и ругала себя, что пошла под венец, да за любимого, но не смогла сберечь себя для мужа. Безусловно, за ней не было никакой вины и девушка оказала сопротивление, когда ее насильничали. Но куда там хрупкой Милке справиться с опытными насильниками?

– Хозяин, открой! – потребовал голос с улицы.

Дом, который занимали молодожены, был добротный и имел даже немного внутренней территории двора, вход в который был через ворота. Так себе преграда, но четыре мужчины, что просились в гости, остановились и не стали ломиться силой.

– Демьяха отнеси в сени, да оставь играть. Сама сховайся, да не показывайся! – потребовал Егор, быстро застегивая пояс с саблей и заряжая два пистоля, что ему выдали, как телохранителю государя.

– А что? Может людей кликнуть? – испугалась Милка и ее глаза опять наполнились слезами.

– Делай, что велено! – прикрикнул Егор, раздражаясь постоянными рыданиями своей жены.

Последние две недели Милка то смеется, то плачет, порой и то и другое разом. Парню невдомек, что происходит с его женой, а супруге никто не подскажет, что именно с ней творится, пусть женщина и догадывается, что беременна.

– Открой, хозяин, говорить нужно, а не ломать ворота, – голос мужика, что стоял чуть впереди остальных и выделялся более богатым одеянием, становился грубее.

– Тут говорить станем! – жестко сказал Егор, направляя пистоль, что был в левой руке на того, кто показался главным.

Царский охранник стоял в открытом оконце, по сути, бойницы, что было на втором этаже дома. Оттуда было видно, кто именно стоит у ворот

Прошло еще время и прозвучали несколько фраз и тогда, наконец, убедившись, что у Милки было достаточно времени, чтобы убраться, Егор спустился и открыл гостям.

– Ворота закрой! – самоуверенно сказал мужик, ухмыляясь. – Опустить пистоль. Я говорить пришел, а не живота тебя лишать.

– А я не звал тебя, – не стушевался Егор.

Да и как может растеряться телохранитель самого государя?

– Сразумел я, что в дом не приглосишь, да кваса, або сбитня не нальешь. Ну так я и не прошу, – глаза мужчины зло заблестели. – О другом прошу, кабы службу сослужил.

– Так я и служу, государю! – ранее опущенный пистоль вновь был направлен в голову главарю непонятной компании.

– Ты, казак, будь разумным! Платить стану золотом, а ты токмо говорить станешь, что да как, может еще чего сделаешь. Рядом с царем столь много, сколь я заплатить могу, ни ввек не получишь. Аще дворянство, не сумлевайся, буде твоим, да не запросто так, а с поместьем, добрым не мене тридцати полных дворов, – говорил главарь незнакомцев.

– А ты кто таков? – спросил Егор.

– Ха-ха! – деланно, явно притворно, засмеялся. – А не скажу! И не вздумай искать, сам найду.

– Чего ты хочешь? – решил Егор раздобыть хоть какую информацию.

– Пока слухай, да привечай, что в царских палатах деятся. Кто в бояре метит, куды войска отправляют. Пока хватит, далее поглядим, как сложится. Бяры, – с избыточным чувством превосходства, которое демонстрировалось напоказ, мужик передал калиту с монетами. – То так, по первой, буде и больше.

– Возьми! – Егор передал деньги обратно.

– Ты не сразумел, казачок! Нема пути в зад. Теперича али делаешь, что скажу, али жонку с ублюдком похоронишь, апосля все одно сделаешь, что стребую, – два мужчины встретились взглядами.

Егор проходил инструктаж, в ходе которого предупреждали, что такие моменты должны быть. И в данном случае вариант был только один – соглашаться, сообщать о контакте и после, как было обещано, начнут работать иные люди. Но нутро, характер парня, его вспыльчивость не позволила сделать так, как предписывалось.

– Не тронь. Всех твоих, хоть жонку, хоть сыновей и побратимов, вырежу всех, кто тебя знал или когда видел, – прошипел Егор.

– Остынь и поразмысли. Все будет у тебя, главное – все жить будут. Не смей обо мне говорить, я узнаю и тогда... – мужик не стал договаривать, бросил калиту с монетами на землю, сплюнул и пошел прочь, не обращая внимание на своих подельников, которые посеменили за предводителем.

– Царь-солнышко светит ярко, обжигает больно! – сказал Егор, подымая мешочек, как оказалось, всего с серебряными монетами.

Он в раз двадцать больше этого прикопал на дороге к Москве.

* * *

Москва

16 августа 1606 года

– Государь, вот то серебро! – Егор протянул мне мешочек с деньгами.

Еще бы понимать много это или мало. Как-то редко я хожу на рынок... настолько редко, что никогда. Ценность денег стал понимать только на уровне: тысяча – это много, а десять тысяч – это еще больше, за эти деньги можно семь-восемь тысяч воинов почти год кормить и снабжать порохом и свинцом. Но и десяти тысяч мало, чтобы еще одеть воинов и купить оружие.

– Серебро оставь себе! И об том, что ты мне поведал, нужно говорить токмо мне, но не прилюдно, – пожурил я Егорку.

Вот и хорошо, вот и ладненько. На самом деле я не расстроился, что появились силы, что работают против меня, уж тем более не испугался, я обрадовался. Как бы странно не звучало, но радость имело место быть. Когда ждешь удара, тем более исторически не в твоей эпохе, нет четкого понимания, от куда прилетит. От этого я немного нервничал, ощущая обострения мании преследования, от того все более усиливая охрану и систему работы дворцовой челяди. Дошло до того, что кухарки заходят на кухню в специальных рубахах, с перевязью, без карманов... впрочем их тут нет ни у кого. Женщин, да и истопников, водоносов, обыскивают. И еду еще и пробуют и подают чаще холодной, чтобы понять состояние дегустатора после снятия проб.

А тут понятно, откуда планируется удар, можно и сыграть с недоброжелателями. Вот только нельзя было Егору прилюдно говорить о посетителях. Мало ли кто услышит, да передаст неведанным силам, что парень верен мне и себе. Если е Егору пришли, могли еще ранее прийти и к другим. Егорка-то только зачислен в штат телохранителей.

Хотя и тут недоработка, он не мог наедине мне хоть что-то сказать, так как остаться со мной парню не позволили бы.

Плохо то, что я Захария Ляпунова отправил готовить специальную хитропопую, вместе с тем, жесткую операцию. А иных людей, которые могут, нет... Шаховскому что ли поручить разобраться? Я еще не обрадовал соратника, что он стал стольным воеводой, своего рода губернатором Московской области, самого вкусного, богатейшего куса русской земли. Вот пусть и провернет операцию по выявлению тех, кто начинает под меня капать, так и получит должность.

– Переводи своих родных в Кремль. Ермолай устроит тебя! – сказал я, и чуть не дернулся, насколько быстро и неожиданно парень плюхнулся на колени.

Так можно и коленные чашки разбить.

– Государь-император, прости, ты спешил, тебя ждут! – лебезил Лука Латрыга.

Да, сегодня тренировка была для меня урезанной. Разминка, отработка ударов, показал несколько комбинаций и захватов. Но настало время пообщаться с мамой.

Мария Федоровна Нагая перед тем, как я подошел к Москве, отправилась в Новодевичий монастырь и молилась. «Помолиться» в этом времени – идеальная отмазка. Ну нельзя же беспокоить человека, который молится! И по мне, так было непонятным сперва отчего инокиня Марфа, в миру Мария, так себя ведет. Она не стала игрушкой в лапах Шуйского и не трубила повсеместно, что ошиблась, а я, дескать, не ее сын.

Сперва я был уверен, что она желает, чтобы я, сын, приехал и поклонился ей. Причем находилась Нагая в Новодевичьем монастыре, рядышком, никуда не уезжала. Немного поартачившись, как только решив некоторые неотложные иные дела, я все же послал Ермолая, чтобы тот разузнал, что себе думает моя «мама». Еще не хватало конфуза, когда я приеду, а инокиня Марфа «молится». И да, она молилась.

Уже думал-гадал, как именно поступить, рассматривал вариант и с ликвидацией, как пришел запрос уже от Марфы. Она сама ехала, да не одна.

– Мама! – сказал я, и обнял одну из женщин, что прибыли ко мне.

Как выглядит именно Нагая, я уже был осведомлен. Невысокая, полная женщина, курносовая. Отличительная особенность, что она была немного конопатая и имела родинку на левой щеке. Так что не ошибся, ту, правильную, обнял.

– А, ну, стробуй, кабы все ушли, токмо Марфу оставь! – прям-таки потребовала мамаша. И что это Марфа просит, чтобы я оставил Марфу? Мама с ума сошла? Шизофрения?

– Покиньте все покои! – повелел я, поймав на себе слезливый взгляд второй монашки, что привела Нагая.

– Марфа, останься! – распорядилась мама, прихватив подругу за руку. – Ну, говори, что хотела, да тако же иди.

– Сын! Сынок! – монахиня упала на колени, схватила мои руки, пользуясь моим шоковым состоянием, и стала целовать руки, ноги. – Прости меня, прости. Я молю! Каждый день молю Господа, кабы доченька моя в раю была, а ты, кабы, счастлив. Прости!

Я хотел спросить: «Кто ты?» Но, раз вот так меня лобызают, наверное, и я должен знать эту женщину.

– Все, Марфа хватит. Он не знает тебя! – Нагая стала подымать обмякшую женщину.

– И кто это? – спросил я, облегченно мысленно выдохнув, что я могу не знать эту странную пожилую женщину.

Я посмотрел на заплаканное лицо монахини и чуть не сплюнул с досады. Как такую красоту в монастыре закрывать? Женщине может чуть за пятьдесят, но она и сейчас просто великолепна, излучает какую-то... правильную красоту.

– Мария Старицкая, получается... тетка тебе, – отвечала Нагая.

Вообще Мария Федоровна Нагая вела себя слишком вольготно, как хозяйка положения. Я не мог этому перечить, пока не мог, но мне такое положение дел не нравилось.

– От чего она меня сыном прозывала? – спросил я, как только инокиня Марфа, в миру Мария Владимировна, королева Ливонская, вышла.

– Вбила в голову себе, что ты сын ее от карлы Стефана Батория, – Нагая отмахнулась [есть такая конспералогическая теория, что Лжедмитрий Первый был сыном Батория].

– В разуме ли она? – спросил я, прикидывая, насколько такая история могла бы мне помочь, или, напротив, подпортить.

– Нет, бывает, что и не в розуме, – отвечала Нагая. – Ты мне, сын вот что скажи... Отчего сродственников не привечаешь? Что не зовешь брата моего, твоего дядю Михаила Федоровича в стольный град, отчего не ставишь его окольным?

Сразу после прихода к власти, я озаботился тем, с кем мне работать, деятельно, решительно, а не на исполнять свои обязанности от случая к случаю между обеденным сном, многочасовыми приемами пищи, прогулками, охотами, и в том же духе, только не работать. Мне нужны были и люди, и даже кланы, которые, усилившись могли бы стать опорой именно что моему правлению. И в черед первых, кого я рассматривал, были как раз Нагие. Основой этого клана из ныне живущих, и был Михаил Федорович.

Информацию по персоналиям собирал Лука, он деятельный малый и въедливый, в меру, иногда и без меры, назойливый и педантичный. Мне это нравилось. Тем более, что Лука ранее был при дворе. Да, у Годуновых служил, но книгу местничества выучил наизусть, может, и лучше, чем библию. Вот Лука и собирал информацию о кадровом резерве. Пусть хоть новое покушение готовят, но работать с теми, кто живет заслугами не личными, но предков и дедовскими чинами и должностями – это путь в никуда.

Петр Великий поборол, или еще поборет, эту систему. Но ко времени Петра уже и его отец, Алексей Михайлович, подбивал опорки под системой местничества. Мне придется лавировать. И я искренне искал ту должность, куда пристроить «родственничка», но он посредственная личность с завышенной самооценкой и неспособный работать не то, что в команде, но и вообще работать, а не числится.

– Мама! А как тебе Суздальский монастырь? – вкрадчиво спросил я.

Суздальский женский монастырь отличался исключительной дисциплиной. По сути, это была тюрьма с религиозным уклоном. И намек Марфой был более, чем понятен.

– А ты, приبلуда, не боишься? – спросила Нагая.

– А как у тебя со здоровьем, мама, может прихворала? Так останешься в Кремле, подлечу! – искренне зло говорил я.

Ненавидел, ненавижу и никогда не приму шантаж. Я терпел Басманова, мне нужно было понять хоть что-то о мире, куда я попал. Мало ли, огнем плеваться могу, было дело, про вся-

кие магии читал. Но пришло время Петру встретится с тезкой, но апостолом, не буду долго рефлексировать, чтобы и наглуую монашку отправить в ад.

– Ты кто? – после долгой паузы и игры в «злые гляделки» спросила Нагая.

– Сын твой, – отвечал я.

Вновь пауза. Было видно, что Марфа рассуждает, прикидывает расклады. Что произойдет, если она скажет, что я не ее сын, с учетом сложившихся сегодня реалий? Признает разбойника, что Брянщину и Черниговщину разоряет? Так биручи, науськанные умницей Мининым вбили в головы москвичей и не только их, письма полетели и в другие города, что Могилевский тать – зло и захватчик. Его ненавидят и Нагую не поймут. А кто еще мне поперек станет? Тут бы могла начаться игра со Скопиным-Шуйским, но и это пока маловероятно, Василий Шуйский – сбитый летчик. Романовы... нужно вообще понять, что там, да как с Филаретом. Кто-то из Романовых присоединился к Мстиславскому и перебежал к ляхам, может под эту гребенку и Филарета прижучить. Но он лицо духовное, тут вдвойне осторожным нужно быть.

– Не забижай родню, род Нагаев и так поменьшился, – тон Марфы стал менее требовательным.

– Поняла, мама, что нынче ты сделать мало что можешь? – а вот я все еще сохранял суровость, пусть сейчас она была скорее проявлением актерского мастерства, чем зеркалом эмоций. – Ни-ко-гда не смей говорить со мной так, как нынче. Я государь-император и твой сын. Нагаев не обижу, но сильно приближать не стану. Окольничим был Михаил Федорович? Пусть так и будет, но без того, кабы влезать ко мне со своими советами, пока работать не станет так, как мне то нужно.

– А я? – спросила уже отрешенно Марфа, все-таки не на много его хватило.

– А ты помолись с Ксенией, так заведено по обычаю? – я улыбнулся, но сделал это зря, женщина вновь закипела, шипя, словно змея.

– Курва Марья, мамка ее, убила сыночка мого, али то сам Годун сделал. Не могу я... – вызверилась Марфа.

– А ты смирись, мама, поживи, радуясь за меня, Ксению, за мир в сердце. Кланяться стану, – сказал я, ловя на себе удивленный взгляд.

Марфа смотрела на меня, потом отводила взгляд, снова смотрела.

– Вот так я и желала, кабы сынок мой всех... и братьев моих и, прости Господи, отца, всех, гнал, кабы государем был Грозным, как папка егойный, даже лепей за него... – Марфа смахнула слезу, но собралась и высказала свои условия. – Жить буду в Новодевичьем монастыре, нельзя мне в мир возвращаться. Токмо, кабы там был и мой двор, кого сама надумаю.

– Сколько? – коротко спросил я, причем вопрос заключался и в том, сколько денег и сколько человек должно быть при дворе.

– Игуменью пришло к приказчику твоему. Луке? Этот у тебя дячком? А баб мне с дюжину приставь, – было видно, что решение ей дается, пусть нелегко, но она довольна, возможно, рассмотрела во мне решительность и намерения идти до конца, ее конца. Может и первоначально хотела именно этого, а все остальное – спектакль.

– Ксения? – очередной мой вопрос и Марфа махнула рукой.

– Любить не стану, обряд исполню! – сказала женщина и собралась уходить.

Останавливать ее я не стал. Вымотался за разговор. А еще пленных ляхов слушать, да тестя лицезреть. Так что Марфа ушла, я выпил кваса, переделся в золотом шитый кафтан, и пошел к панству.

Когда я входит в тронный зал, как я назвал палаты с большим тронном и постаментом, мог почувствовал, как наэлектризовался воздух. Мог, но не почувствовал, устал за сегодня. И мне было положительно, в значении кое что положить, на эти гневные взгляды великовельможных панов.

– Ну, панство, от чего не приветствуете? – несколько отрешенным тоном, спросил я.

– Моя дочь? Ты отомстил за нее? – не приветствуя, не обозначая мой статус, спрашивал Ежи Юрий Мнишек.

Этот деятель, один из основоположников русской смуты, любитель половить жирную рыбку в мутной воде, был несколько похож на те изображения, что я некогда видел в будущем. Впрочем он обладал незаурядной, самой, что ни на есть, среднестатистической внешностью, выделить которую можно только, и исключительно, одеждой. Есть люди, как, вон стоит, нахмурившись, Острожский, которого одень и во рваные тканины, а он все равно будет излучать гонор и великовельможность. Мнишек не такой.

– Я не успел. Но ты знаешь, что я любил ее, – спокойно ответил я, хотя на этих словах мог бы и слезу смахнуть.

– И от того ты Ксению Годунову берешь и ее чадо признаешь? – вообще без намека на иностранное происхождение в речи, говорил Константин Вишневецкий.

А мне говорили, что этот литовский магнат общался только на польском языке. Вот оно! Еще живет та русскость в магнате, он еще и православный. Сын, правда, крещен в католицизм, но этот еще не предал веру... хотя, предал, раз сына крестил латинским обрядом.

– А что, князь, подождать мне, кабы подросла Марианна, дочь твоя? Отдашь мне? – сказал я и увидел, как дергается, но на последних волевых усилиях, сдерживается Вишневецкий.

Быстро показываю жестом своей охране, чтобы не вмешивались.

– А то и сейчас давай! Сколько ей? Семь лет есть, али еще шесть? – продолжаю я провоцировать малоросского князя.

Неожиданно для меня в бой ринулся не только Вишневецкий, но и Мнишек. Это же, получается, своим самозванным поганым ртом, я посмел упоминать про его внучку?! Марианна дочь Вишневецкого и Урсулы, второй дочери Ежи Мнишека.

Прямым ударом ногой встречаю Мнишека, смещаю в сторону и несильно бью тыльной стороной ладони по кадыку Вишневецкого. Добавляю Мнишеку в печень.

– Холоп! – прохрипел бывший мой тесть.

– За оскорбление российского государя-императора всех посадить на кол! – повелеваю я и быстро ухожу.

– Ваше Величество! Простите! – опять же на русском языке кричит... вроде бы пан Малогосский.

– Кто прощения попросит, да заплатит, чем скажу за обиду мне, то буде моя императорская милость, – не поворачиваясь панству, сказал я, и ретировался.

Все, на сегодня я выжатый лимон. Вечером только на лошади потренируюсь с полчаса, и все, спать. А сейчас царь трапезничать желает. Щучьи головы, фаршированные чесноком, почки заячьи, икра черная, красная... это было в известном кинофильме, а я вкушал вареную курицу с гречкой, да с огурцами свежими.

И нету тут обязательной обжираловки. Нормальное, я бы сказал, скудненькое питание, не разнообразное. Ни тебе спаржи или артишоков, ни тазиков с оливье. Да я чай пью и чуть ли не плачу, настолько он дорого стоит. Уже пару новых мушкетов чаями напил. Но без кофе, так и чаек пойдет, он еще немного дешевле обходится.

Где шляется этот Мюррей, чтобы заказать кофе? Мне сообщили, что английский посол прибыл в Архангельск, пока сидит у поморов, видимо, не хочет под горячую руку русской междуусобицы попасть, да сериал просматривает, под названием «игра русских престолов». Облом англичанину, второго сезона у сериала не будет!

Глава 4

Глава 4

Черкасск

19 августа 1606 года

На площади, некоторыми казаками именуемой «майданом», у деревянной, но добротной, большой церкви, были расставлены скамьи. Сидели многие, но на земле, скамьи предназначались лишь для пожилых казаков, которых не было много, так как жизнь казака опасна и мало кого Господь так бережет, что дает дожить до преклонных седин. Да и время буйное, опасное, так что старость пуще прежнего уважали, старость охраняли, старости кланялись.

За старшими казаками сидели, уже на земле, или принесенной соломе, иные казаки, но обязательно женатые. Как ни странно, но и таких было не так, чтобы много, ибо найти жонку казаку не так легко. Русскую бабу брали нечасто, да на Дон бабы редко бежали, а вот какую турчанку, али из крымских, ногайку – то было правильным. И детишки, которые, впрочем на Вальный Казачий круг не допускались, получались смугленькими, носатенькими, но неизменно, православными и чтящими уже сложившиеся казацкие традиции.

А нынче на Дону стало еще сложнее найти жонку, казаки в последние годы редко ходят за «ясырьками», так звали баб, что приводили от басурман. Многие казаки ушли на промысел на Русь, лишь немногие отряды гуляли на Тереке.

Старики, уже сидящие на лавках, лишь посмотрели в сторону казаков, что крутились у образовавшегося круга и молодежь замерла, медленно, осторожно усаживаясь на уже частью пожухлую траву. Им так же будет видно, что происходит, место для Казачьего круга выбрано так, чтобы казаки садились на склоне холма и многие могли узреть, как принимаются судьбоносные решения. Вот услышать будет сложно, но найдутся те, кто по цепочке передаст суть сказанного.

До тысячи казаков собрались на круг. Такого Вального Круга не припомнят и старики. Даже были представители от Яицких казаков, запорожцы выставили своих наблюдателей. И для многих это действие было сакральным, столь важным и масштабным, что уже сейчас находились казаки, что были готовы составлять эпические рассказы про то, яко казаки радили [совет держали].

– Вот он! Вышел? Ентот казак всполох такой сладил, что Вальный круг старшие скликнули? – прошептал казачек Василько, который только в этом году и был допущен к участию в Казачьем круге и вот так, сразу попал на Вальный.

– Это и есть Болотников, – шепнул Иванко Кряж своему товарищу.

– Спаси Христос говорит старшим, что дали сказать ему... – началась «аудиотрансляция», которая запаздывала и никак не синхронизировалась с картинкой.

**.....*

Тяжко пришлось Ивану Исаевичу Болотникову. Не хотели его слушать. И отчего же государь послал именно его? Слышал Иван, что атаман Заруцкий прибыл к Димитрию Иоанновичу, вот его и можно было отсылать к казакам. Но не тот был человек Болотников, кто оставит дело, сбежит от него. Он и под турками не прогнулся, и бил их после освобождения с рабства, он и венецианцам не кланялся. Казакам же поклонился, но этого, чтобы разговоры разговаривать оказалось мало [Болотников еще только после большого перерыва пришел на Дон, он, по сути, для казаков почти никто].

В ход пошли деньги и удивительный талант Болотникова располагать к себе. Иван Исаевич был богатым человеком, он мог бы нанять всех присутствующих на круге казаков, но и природная харизма, деньги, упорство и весьма разумные требования государя к казакам, не помогли быстро решить вопросы. Но, по крайней мере, за Болотниковым признали право говорить на Казачьем круге.

И он с легкостью уговорил бы казаков не отказываться от предложений государя, как и уверил бы в том, что Димитрий Иоаннович, тот, которого Болотников оставил под Тулой, но который уже в Кремле, истинный, природный царь. Сам Иван Исаевич в этом уже не сомневался. Уговорил бы... да проблема нарисовалась.

Пришли на Дон и иные люди, казаки, которые нынче гуляют у могилевского татя. Того, которого Болотников видел еще в Могилеве. И эти люди страшат казачество, обещают неисполнимое, но манящее. К примеру, каждому казаку по жонке, да до доброй хате. Ну где столько леса взять в степи? Тут глинобитки поставить если только. Но с хатами было еще где-то реалистично, относительно иных фантазий оппонентов Болотникова.

Казаки прельщались обещаниями, особенно, молодежь и недавно пришедшие на казацкую вольницу люди. Молодости присущ идеализм, ну а пришедшие шли за красивой жизнью, но получили суровую реальность, что на Дону и порядок, пусть и иной, но жесткий, и не так, чтобы хлебно. Бывает и богатство случается, но ценой немалой крови и с дележом по старшинству. Так что речи атаманов Федора Бодырина из терских казаков и Гаврилы Пана, из донцов, находили своих слушателей.

– Хаживал я с царским войском, воевал на Каспии и Тереке, так ни во что не ставили нас царевы люди те. Себя берегли, а казаков на стрелы засылали. Порохового запаса не дали, – выкрикивал Бодырин свои аргументы.

– Знаю я о том. И поход тот был, кабы станицы ваши охранить. Мог царь так все и оставить, токмо и вы просили помощи, – парировал Болотников.

Иван Исаевич готовился к Казачьему кругу, ему помогали. Немало донских старшин более склоняются к тому, чтобы признать Димитрия Иоанновича своим царем, да служить ему верой и правдой. Заруцкий слал письма о том, чтобы так и было, да и некоторая ротация казаков от атамана Ивана Заруцкого имела место, потому мнение одного из донских атаманов, пусть того и не было сейчас здесь, звучало.

– Государь Димитрий Иоаннович с братом своим, внуком Ивана Грозные Очи, слово свое сказали. Милости государевы вдвое более прежнего для казаков станут. И порохового запаса пришлют столь, сколько казаки запросят, – поддерживал своего товарища Гаврила Пан, продолжая оперировать тем, что под Брянском не самозванцы, а два царственных персонажа.

– Это ты о ком? Кто внуком прикидывается Ивана Васильевича? Не Илейко ли это, прозванный Муромцем? Не ты ли Бадыра его и назначал царем? – выкрикнул Болотников, стоя в центре круга. – А с тем, кто называет себя царем Димитрием Ивановичем, но с ляхами грабит и насильничает у Брянска, Новгород-Северска, Орла, так виделся я с ним в Могилеве литовском, там паны ляхские звали вступить за лжеца.

– Илжа сие! – взбеленился Бодырин. – Петра Федоровича, сына царского мы, терцы, спасли, да у себя приют дали. А то, что насильничают у Брянска... Так мы, казаки, насильничаем, но в жонки по чести берем. И все ведают, что воля есть у казака, но ответ его перед Богом и кругом казачьим.

– Казаки! – Болотников развел руками и стал крутиться на месте, как бы обращаясь ко всем, кто собрался на круг. – Государь наряд дает, слушать казачьих старшин и атаманов готов, в Москву зовет. А к кому казаки поедете, коли воров примете, что православные монастыри разоряют? Уподобитесь татарве, что православных бьет, да в полон уводят? Веру, предадите, да честью казацкой попуститесь?

– То мы к единому не придем, – в круг вышел Войсковой атаман Войска Донского Смага Степанович Чершенский.

– Кто даст на Дон две тысячи рублей, тысячу пудов пороху, зерна? – задал вопрос Смага Степанович [примерно столько в РИ прислал Шуйский Чершенскому за оплату нейтралитета донцов, в этой реальности, Василий Шуйский не мог успеть это сделать].

Болотников хотел спросить у Войскового атамана за то, что он поддержал Дмитрия Иоанновича ранее, но нынче ведет себя, словно жид торговый. Но Иван Исаевич промолчал, затаил зло, но и бровью не повел. Что ж, коли царь не даст, так у Болотникова найдется денег, чтобы купить все требуемое. Может серебра чуть не хватит, но обещать можно.

– На том слово держу и крест поцелую! – ответил Иван Исаевич, чем вызвал легкое замешательство у оппонентов.

Одно дело пообещать на словах, тут казаки, коли частями отдавать, поймут, но Бога не обманешь, он все видит. Однако Гаврила Пан с Бадыровым хорошо пограбили на Волге, а вот поделились малым, да и в войске могилевского Дмитрия вполне можно разжиться все нужным, так что они оказались не против целовать крест.

– Поле! – провозгласил Смага Степанович, борясь с желанием устроить аукцион, да признать правоту того, кто больше предложит.

Но казаки любят серебро, кто ж его не любит, но такой подход в поиске правды, не поймут, низложат.

Потому Войсковой атаман предлагал старинный способ решить проблему, то есть переложить ее на случай, везение, воинское мастерство. Поле – это поединок, своего рода Божий Суд, который должен был оставить в живых только того, за ком правда.

– Неможно! – встал уважаемый казак, наверное, самый старейший из ныне живущих станичников. – Али кто один с атаманов в поле выйдет, али кто вступится за Ивана, сына Исаева.

– Спаси Христос, батяка, на науку! – сказал Смага Чершенский и поклонился старому казаку, потом обратился к кругу. – Кто станет с казаком Болотниковым за его правду?

Болотников прибыл к донцам со своими проверенными соратниками, большая часть из которых немцы. Любой бы встал рядом с командиром и, скорее всего, шансов у Бадырова с Паном не было бы. Но они не казаки. А в понимании казачества, так и вовсе слуги.

– Я встану! – выкрикнул плюгавый, чуть сгорбленный, несуразный казак.

Болотников не подал и вида, что разочаровался, он уже выстраивал свои действия таким образом, чтобы самому убить двух казачьих атаманов, а этот низкорослый, да еще и чуть сгорбленный казак, покрытый рубцами, хотя бы немного отвлек бы внимание.

Иван Исаевич, узрев реакцию своих соперников понял, что в чем-то, но он ошибается, так как вышедший в круг казак резко поубавил прыти у двух атаманов. Гаврила Пан и Федор Бадыров сменились в лице, проявляя страх. Болотников еще раз посмотрел на казака, который вышел за него биться, с чуть большим интересом. Тот же, ухмыляясь, стал разминать руки и кисти рук. Движения, которые стал выписывать казак были плавными, резкими, он, вопреки своему внешнему виду, демонстрировал феноменальную гибкость и реакцию.

– Андрей, Тихонов сын, еще зовут Корелой. Был с Дмитрием Иоанновичем ранее, круг атаманом избирал, – представился казак [по описаниям современников, вид атамана Корелы был «шелудивый и сгорбленный с рубцами на челе», но все утверждали, что был он лихой и быстрый, лютей в сече, при этом еще и весьма деятельный].

Корела хотел вернуться, если можно было так сказать, в большую политику. Гаврила Пан перебил у него возможное старшинство, при том, обхитрил и смог увлечь казаков грабежами. А Корела хотел стать рядом с царем и получать от него блага, при этом с полностью чистой совестью. Хотя и сам был не прочь пограбить. Но на Руси сейчас хватает мест, где можно грабить под благовидными предлогами и именем государя.

– Пана одолеешь? – спросил Болотников у своего союзника.

– Сам просить желал. Есть у меня к нему... – усмехнулся Андрей Тихонович.

– Поле! – провозгласил Войсковой атаман, указывая поединщикам на центр в круге.

Бой был короткий, как, впрочем и большинство поединков. Редко когда сражающиеся театрально крутят саблями, потом еще минут десять парируют удары и производят свои картинные выпады. Это бой на легких шпагах или рапирах может длиться чуть больше времени из-за множества порезов и уколов и что человек умирает не сразу, с саблями все более сурово.

Болотников со всей его невообразимой силой ударил сверху в голову противника, удар не достиг главной цели, но рука Бадырова, в которой была сабля чуть повела в сторону и с короткого замаха, с прокруткой кисти руки, снизу вверх, Иван Исаевич рассек лицо терскому атаману. Это не убило противника, и Болотников заколол растерявшегося и раненого оппонента в сердце.

Как расправился со своим противником Корела, Болотников не видел, он, было дело, осмотрелся, чтобы ринуться на помощь союзнику, но тот в это время уже полез за тряпицей, чтобы очистить от крови свою саблю. Андрей Тихонович одним выверенным движением с приседа, подрубил ногу Гавриле Пану, а после снизу вверх разрубил тому грудную клетку.

Казачий круг безмолвствовал.

– Любо, по чести сие! – сказал казак-старик и круг разразился «Любо».

У казаков свое отношение к людям и жизни. Их философия «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Так что на смерть все смотрят спокойно, а вот на удаль казацкую, эмоционально. Так что атаман убит на честном «поле», да здравствует новый атаман!

Вот им и стал Корела, который возглавит отряд донцов в две тысячи и пойдет к государю. Пойдут к царю-императору и двенадцать выбранных казацких старшин, чтобы услышать слово царю и самолично убедиться, что государь по чести будет исполнять обещания, а они свои головы класть за державу. Вот и соль того договора, что предстоит заключить. А Болотников выполнил свою миссию

* * *

Москва 20 августа 1606 года

Нет правления без цели. Если человек наделяется властью, но у него отсутствует четкое понимание, куда ее применить, то он теряет моральное право управлять. Цель не может заключаться в том, чтобы улучшить собственное благополучие, потешить свое самолюбие. Власть не для того, чтобы более изысканно одеваться или вкушать деликатесы, находясь при этом в золотой комнате. Если имеет место быть именно такой вариант, то человек ограничен и не способен привести своих подданных не то, чтобы к процветанию, но хоть к чему-то, что сохранится, устоит, а не падет от несильного дуновения ветра.

У меня есть цель – я желаю стать правителем в государстве, которое будет империей без каких-либо допущений и условностей, мощным государством, под крышей которого укроются многие этносы и народности, с базисной настройкой в виде культурно-религиозного кода, и чтобы в этом коде оставалось место для иных мировоззрений.

И мне не нужны устрицы, переперченная каша, кофе или что-то еще, что в этом времени представляется самым дорогим для употребления в пищу. Икра заморская баклажанная? Глупости все это, барахло! Я хочу быть правителем, о котором будут писать в учебниках, именем которого станут называть города.

Вот такой я эгоист, страдающий начальной формой нарциссизма. Вот она, моя мотивация, истинная, честная. Остальное сопутствующее. Я всегда считал, что существует мало людей, которые, как только добиваются власти, начинают лишь грабить, специально уничтожать народ, разваливать государство. Если это только не такие представители рода человеческого, которые ненавидят то гнездо, дупло, нору, берлогу, отчий дом, в котором мать своим

молоком, или червячками в клюве, вскормила и оперила свое дитя, я ненавижу предателей. Если подобный человек добился власти, значит, что-то сильно смердит даже не в государстве, но в умах людей.

Иные же правители не могут желать стране зла и нищеты уже потому, что ассоциируют свои успехи с государственными. Чем богаче государство, тем величественнее его правитель. Есть те, у кого не получается, характера не хватает, либо же форс-мажор вмешивается, но на вершине политически-пищевой пирамиды подобных людей мало, они либо исчезают, либо быстро, по доброй воле, спускаются по ступенькам ниже, к подножью.

Борис Годунов был хорошим правителем, но вулкан помешал ему сохраниться в памяти людей, как успешному царю. Извержение вулкана в далеком Перу, принесло голод и на русские земли. А так и силен был государь, и умен, но оценил только угрозу от меня, или того, в чьем теле я нахожусь, иные причины для кризиса своей власти упредить или нивелировать не сумел. Но у него могло бы все получиться, размазал бы Борька Лжедмитрия, если бы ни смерть.

А что может мне препятствовать на пути достижения цели? Кто иной скажет, что – внутренние дрязги. Мол, давлению, принижая боярство, а оно опора для трона. И уже понятно, что есть некие силы, что копают под меня. Что еще становится помехой? Внешние враги? Это да, но партнеры превратились во врагов только лишь из-за временного ослабления русского государства. Так что это только следствие.

Экономика – вот, что главное. Это кровь и войны, и питательное вещество для всего организма общества. Без экономики нет силы, слаба культура и идеология, испаряются истины и претупаются запреты, которые еще недавно казались незыблемыми. Если мне не удастся что-либо улучшить в экономической системе, то сметут быстро и тут не важны персоналии: Шуйские, Мстиславские, да хоть «Пупкины».

Государство русское ослабло именно голодом и ошибками в его преодолении. Тогда стало возможным то, что ранее было нереальным. Разве простили бы Мосальскому убийство Ивана Грозного? Да ни в жизнь, хотя и у него были проблемы, но экономика, пусть и подорванная, но работала. Как не относились к грозному царю, его убийство каралось бы такими казнями, что и небо, увидав зверство, заплакало бы. А Федора Борисовича ему простили? Да! Если бы ни мировоззренческий кризис, спровоцированный экономикой, то правил бы преспокойно грамотный, образованный сын Бориса Годунова, Федор.

Человеку нужно, на самом деле, не так, чтобы и много: поесть, одежда, чтобы не замерзнуть, или для этих же целей, дом. Все остальное – это вариации на темы. За скобки я выношу инстинкты, прежде всего размножения, но и это можно рассматривать в рамках примитивной системы смысла жизни. И, если, у человека в достатке еды и он не мерзнет, то незачем бунтовать, так как все остальное, брэнность. И даже мощнейший прессинг религиозного мировоззрения не изменяет тягу человека к системе примитивных потребностей.

И правление нужно было бы начинать не с того, чтобы воевать и меряться харизмами с другими дядьками, у кого древко от копья более отполировано. Нет! Нужно думать об экономике. Людей накормить, а, скорее всего, начать создавать условия, чтобы человек имел возможность, если не лентяй, конечно, заработать и не только прокормиться, но и обеспечить сытость своей семье.

И наконец, я что-то начинают делать и в этом направлении.

– Ну, люд честной, чем порадуете государя своего? – спрашивал я у собравшихся в тронном зале, по виду, так и мучеников.

Впрочем, мучениками их называть можно условно, одеты служилые люди были прилично, некоторые и в парче, бороды стрижены, калиты висят на поясах, да не пустые, а со звонкой монетой. Только лица отображали вселенскую скорбь, мученичество. Даже не стараются скрыть то, что виноваты.

Собранные Лукой Скрыгой, с помощью братьев Ляпуновых, Рязанские, Ярославские, Нижегородские, иные дворецкие могли сейчас сделать полезного может и больше, чем все военачальники. По крайней мере, я намеревался продемонстрировать всем дворецким, как называли в этом времени управляющих хозяйством в регионах, что порядок есть, а вольница закончилась.

Разброд и шатание в деле сельского хозяйства и ремесла были связаны не столько с гражданской войной, а уже с привычкой существовать в безвластии.

Еще Борис Годунов в 1603 году начал терять нить управления дворецкими и воеводами, и не только ими, но оказалась сломана вся система управления в хозяйстве. Борис, искренне желая помочь голодающим людям, открывал все зернохранилища и раздавал, часто и без учета, зерно. Эти меры вполне соответствовали духу христианства, но противоречили сложившейся системе, частью, здравому смыслу.

Требование Годунова отправлять зерно в стольный град и лишь некоторые иные крупные города, закономерно встретило сопротивление. Дворецкие пошли на сговор с местными элитами и все меньше стали отгружать зерно центру, в Москву.

Я просматривал хозяйственные книги. Достаточно было прочесть один лист, чтобы понять: дворецкие не просто врут, они неслыханно пи...т. Отчеты представляют собой только лишь оправдание, почему регион не поставил не то, что положенное количество зерна, но и половину от предписанного. Складывалось ощущение, то прям за стенами той же Рязани стоит толпа разбойников, которые в порядке очереди, чинно и благородно, не спеша, основательно, грабят все обозы, что выезжают за пределы города. При этом разбойников столько много, что не менее пяти сотен городских казаков, стрельцов, не могут справиться с проблемой.

Борис не был столь наивен, понял, что именно происходит, но Годунов не рассмотрел иного. Такие процессы было невозможно остановить повелением, новым указом. Это образовалась раковая опухоль Смуты. Медикаментозным образом лечение ни к чему бы не привело, нужна была череда операционного вмешательства. Но были ли силы в государстве, чтобы сменить элиты, перетрусить систему, или выстроить новую? Тем более, что непосредственного сепаратизма не было, мало было оснований для снаряжения войска, чтобы то привело к покорности регион.

Тогда еще никто не отваживался на открытое неповиновение. А Годунов посылал до сотни стрельцов, посошной рати, чтобы изловить под Рязанью, Тулой, Орлом, Ярославлем тех татей, что так жестко грабят государство, но служилые зазря побродили по окрестностям... нет, нашли кого-то. Могло быть и так, чтобы отчитаться об успешности операции, сами защитники грабили какую русскую деревушку, да записывали это поселение, как логово разбойной ватаги. Но стало ясно, что повального разбоя не было и воровские группы чаще оставались малочисленными, по десять-пятнадцать человек. Потому, стандартного охранения в десяток воинов больше, чем достаточно. И с проблемой вполне справлялись бы местные воеводы. Но я не нашел ни одного, несмотря на то, что Лука знал, что именно искать, доказательства эпизодов героических схваток охраны обозов с разбойниками.

Кто-то из великих ответил на вопрос «что будут делать в России через двести лет?» – воровать. Так и есть, как, впрочем, далеко не только в России [Фразу про Россию через 200 лет, что там воруют и пьют, не верно приписывают Салтыкову-Щедрину, про «крадут» говорит историк Карамзин].

– Встаньте с колен! – повелел я.

Не то, чтобы я здесь, вдруг, решил поиграть в панибратство с ворами и одними из создателей кризиса власти, нет, просто неудобно говорить с людьми, которые стоят на коленях да еще и в поклоне. Не правильно вести диалог с макушками голов, чаще лысеющими. Но позволять присесть уж точно не буду. Позволил бы сесть... но тюрем, как таковых нет, а каторгу, нужную мне, я еще не организовал.

– Кто из вас Андрейка Потапов из Орла? – спросил я, выявляя по реакции того самого Андрейку.

Увидел одного дернувшегoся, остальные, как-то немного обмякли, расслабились. Это, как учитель смотрит в журнал и приговаривает, издеваясь над учениками: «К доске пойдет... к доске пойдет...». Как только учитель выбирает того страдальца, который, понунив голову, идет к доске, словно восходит на Голгофу, остальные выдыхают. Вот и сейчас выдохнуло большинство, а один напрягся.

– Государь, милости прошу! – закричал тот самый Андрейка, снова падая на колени, наверняка травмируя свои конечности.

– Думал, пес, что я ничего не узнаю? Куда дел две тысячи пудов пшеницы и восемь тысяч пудов жита? Про овес и гречиху спрашивать? – я начинал закипать, причем не притворно.

Есть селения, где с голоду умирают, есть Москва, из которой можно распределить это зерно на пользу государства, а какой-то Андрейка, пользуясь тем, что центральной власти нет до него дела, просто ворует.

– Есть, что сказать? Али не виновен ты? – спросил я у главного «козла отпущения».

– То бес спутал, государь, да воевода. Я ж не себе, царь-батюшка, я больше воеводе давал, – оправдывался Андрейка.

– Кто в Орле первый воевода? – спросил я, обращаясь, скорее, в Луке.

– Так, Ефим Варфоломеевич Бутурлин, – отвечал Лука. – Ты его в Москву вызвал, государь-император.

«И, который прислал мне в Тулу обоз с провиантом, родственник которого вроде бы как из-за меня был убит и которого я собирался приблизить. Старик, конечно, но может год-два послужил бы... Все воруют и свои и не свои...», – подумал я.

Вот так рубить с плеча и показательно вешать всех только лишь за кражи? И, хотелось бы, и нельзя. Просто, не будет с кем поговорить в обезлюдевшей России. Ну и потому, что общество этого не поймет, это не сталинская пропаганда про расхищение народной собственности. Вместе с тем, сейчас никто не понесет наказания, так ничего и не смогу изменить. От этих людей, которых можно было и заменить, но некем, зависит будущее страны. В том числе, конечно.

– В холодную его! – повелел я, и двое охранников споро скрутили рыдающего Андрейку и повели в пыточную.

– Вот бумаги с вашими злодеяниями, – я потряс исписанные бумажные листы. – Нынче добрый урожай, окромя тех мест, где лютовали казаки да ляхи. Татарва не приходила большим числом на наши земли, татей много нет, все тати у самозванца. А коли и есть ватаги разбойников, так то дело воевод. На то они там поставлены. Милостью своей дозволяю всем, кто воровал, откупиться, возвернуть все, что украли. Не вернете... посажу на кол, яко Андрейку с Орла, а жонок с детьми в Сибирь отправлю. Там баб мало, сгодятся. И ждите того, кто проверять вас станет.

Не дожидаясь реакции на свои слова, я ушел. Царь должен держать фасон.

Не повезло Андрейке, завтра он будет посажен на кол, а Козьме Минину я дам поручение подготовить правильные слова для пропаганды. Государь-император – это порядок! Но для правильности казни нужно продумать и обвинение в измене. Это более понятно для обывателей. Ну а те, для кого и будет показан такой зловещий спектакль, должны понять сами, что, да как и почему.

Что же касается остальных дворецких, то не так, чтобы у меня был исчерпывающий компромат на них. Нет, напротив, грабили вполне умело, и нужно потратить немало такого ресурса, как человеко-час, чтобы вникнуть в документы, да каких-нибудь свидетелей найти, чтобы составить обвинение. С одним Андрейкой Потаповым пришлось повозиться. Но на

встрече я не мог ошибаться, что все присутствующие, так или иначе, но обзавелись пухом на своих рыльцах.

А тряс я перед глазами дворецких какими-то собственными записями, которые мало имели отношения к хозяйствованию. Это я прикидывал стоимость и вообще возможно ли создание учебного заведения по типу университета, но не обязательно, чтобы было именно это название. Пусть дворецкие думаю, гадают, есть ли у меня на кого компромат, скорее поведутся, так как царь не может лгать. Думаю, на всякий случай, сыщут урожай и передадут и больше требуемого.

Лука же остался с дворецкими и продолжал с ними беседу от моего имени. Были нюансы в ведении хозяйства, которые можно и нужно уже сегодня осваивать.

Во-первых, только под Москвой используется трехполье и то не везде. Следовательно, предписывалось уже в этом году определить земли под пар. Во-вторых, речь шла об удобрениях. Здесь и сейчас это навоз, которого мало. Нечасто, но используется зола. Системы удобрения нет, постоянство отсутствует. Предлагалось в этом деле использовать компост, воеводы будут озадачены обязательной продажей, пусть и дешево, навоза от всех коней, гусей, коров и всей остальной живности.

При этом в задачу дворецких войдет обязательное удобрение почвы не раз в 3-4 года, как это делается в самых передовых хозяйствах, а ежегодно. Мало навоза?.. есть и человеческие экскременты, в компостную яму все это, там и селитряница получится. А будет много селитры, так и она удобрение пойдет, если грамотно к делу подойти и разводить с водой. Ну а что не на удобрение, так пороха много не бывает.

Предписывалось также создавать складчину и покупать плуг. Пусть нормальные плуги пока просто не появились, но над этим я уже работаю. В Туле, на оружейной мануфактуре начинают производить лопаты, да и плуги. Еще нужно-то сотни две подобных предприятий, чтобы за два года покрыть первоначальную потребность в плугах. Это сарказм, конечно. А еще нельзя забывать о косах-литвинках, которые будут способствовать увеличению объемов заготовки сена на зиму, следовательно, увеличению поголовья скота, и следом за ним, людей, которых очень не хватает.

Так что первоначальную работу в сельском хозяйстве я провел. Еще предстоят реформы, но без качественного технического переоснащения не будет толку от новшеств и урожая хотя бы в сам 5-6. И речь ведь не о сеялках-веялках, тракторах, – я говорю о банальных лопатах, вилах, граблях, мотыгах, менее банальных боронах и плугах.

* * *

Брянск

20 августа 1606 года

Дмитрий Пожарский долго шел к Брянску, по крайней мере, это можно было сделать значительно быстрее. Но воевода, накаченный разговорами с государем-императором, перестраховывался.

Во-первых, иным было само передвижение с большим передовым полком впереди, который был третьей частью от всего войска. Этот полк мог самостоятельно вступать в бой и дожидаться поддержки остальных сил, выигрывая время для построения союзных подразделений.

Во-вторых, Пожарский, забрав как можно больше лопат, некоторые из которых были с железными накладками, приказывал вгрызаться в землю, даже во время ночного отдыха. Это утомляло, некоторым сотенным головам приходилось даже умирять недовольных стрельцов, которые не хотели копать, было дело, что и Пожарский выступал перед сотенными и полусотенными головами, в очередной раз объясняя им, зачем нужны дополнительные меры обороны.

Офицеры и сами все понимали, большинство из них, но рядовые, даже, если и разумом необходимость осознавали, но не прекращали роптать.

Благодаря предосторожности при переходе, был только один случай, когда конные вражеские ватаги попробовали на зуб войско Пожарского. Теперь у этих, ранее зубастиков, зубки подвыбили.

Лагерь был на ночном отдыхе, но выставленные посты бдели. Один такой пост и обнаружили налет, вернее специально выставленный секрет, – три воина, просто спрятавшись поодаль от лагеря, увидели, как незнакомые конные изготавливаются к атаке.

Отряд сотника-казака Басова, который прибыл к Петру-Илейке, в войско самозванца, обязан был видеть пущенную горящую стрелу. Но, то ли нападавшие не предали значения стреле, может, подумали, что сигнал это не из-за них, но атаку конный отряд совершил.

Восемь заряженных дробом гаковниц в момент выбили два десятка нападавших, а после, повозки-тачанки с гаковницами лихо развернули по фронту, опрокинули, да выставили четырех с половиной метровые пики. Может, гусары и смогли бы что-то противопоставить такой преграде, хотя даже Пожарский, подспудно опасующийся крылатых конных, не оставлял им шанса. Так что эти конные были повержены.

А сегодня, 20 августа 7114 года от сотворения мира, Дмитрий Пожарский, наконец, подошел к Брянску. Разъезды еще ранее сообщали, что Брянск все еще в осаде.

Пожарский лично в сопровождении своих подручных, отправился к городу. Нужно было провести разведку, так можно было назвать мероприятие, если слово «рекогносцировка» еще не вошло в военный лексикон.

Нельзя сказать, что те, кто воюют и разбойничают с именем «истинного Дмитрия Иоанновича», но про себя называют его «Могилевским» врелем, обложили город основательно. Только напротив ворот были сконцентрированы серьезные силы Могилевского татя, а по факту, это были войска, подчиненные гетману Меховецкому. Сложность состояла в том, что при, не так, чтобы и впечатляющих пехотных соединениях противника, у самозванца был козырь – литовские крылатые гусары, числом до тысячи. На самом деле их было меньше, но Пожарский насчитал именно что тысячу лучших конных Европы.

Но воевать нужно, даже есть понимание, как именно. Корпус Пожарского и формировался с учетом того, что ему придется встретиться с элитной польско-литовской конницей. Поэтому в войске есть гаковницы, часть которых забрали даже с Троице-Сергиева монастыря, потому же и мушкетеры-наемники были отданы Пожарскому. Поэтому же он и тащил с собой длиннющие пики, Гуляй-поле и забрал огромное количество лопат.

Была проделана попытка связаться с защитниками Брянска, но неудавшаяся. И причина в этой неудаче могла крыться не столько в противодействии войск самозванца. У князя Пожарского создавалось впечатление, что это защитники города не хотят координировать действия. Плохо то, что не получится договориться об одновременном ударе, большая вылазка из крепости могла сильно облегчить задачи, что стоят перед войском Дмитрия Михайловича. Плохо, но не критично, войск у Пожарского больше, чем количественно осаждающих. В бойцовских качествах своих воинов князь так же не сомневался, но... крылатые гусары... их очень много.

Чуть позже князь понял, что может происходить в крепости, что стало причиной игнорирования попыток Пожарского наладить контакт с осажденными. Тогда Пожарский еще не был в команде государя, но знал, что Димитрий Иоаннович посылал людей, дабы те услышали нужды брянского воеводы, да послать пороха ли, или людей в поддержку, может обоз с провиантом. Но посыльные государя были убиты. Если Брянск не идет на контакт, значит, убийца в городе и он во главе командования.

– И на что надеется? Что Шуйский вернется? Нет, Димитрий Иоаннович прочно сел на стул царственный, токмо с кожей отцепишь, – размышлял вслух Пожарский, опрокидывая чарку с «зеленым вином».

Князь стремился напиться. Он, пусть и мужественный, но всего лишь человек, который волнуется. Пожарскому доверили большое войско, ему поверили и чувство ответственности столь давило, что потрясывались руки и никак не шел сон. А поспать перед завтрашним днем нужно обязательно, завтра бой.

Глава 5

Глава 5

Брянск

20 августа 1606

Второй воевода Брянска Мезенский Даниил Иванович и первый – Михаил Федорович Кашин-Оболенский стояли на стене Брянской крепости в полной растерянности. Что делать далее и кому сдаваться? Именно, что сдаваться, ибо и пришедшее войско из Москвы – не то, чтобы и свои, ну, а говорить о воре Могилевском, как о союзнике – абсурд, слишком много уже пролилось крови, слов сказано, оскорблений выкрикнуто, чтобы идти на поклон к этому татю.

Давеча приходила делегация под стены Брянска, Думой Боярской при царе Дмитриии называлась. Просил Мстиславский со товарищи, чтобы открыли ворота для, как он говорил, но сам не верил в свои слова, истинного царя. Обещали, что грабить не станут. Кашин-Оболенский и Мезенский были уверены – грабить будут точно. Государеву казну разграбят даже, если на кресте клятву дадут этого не делать [в РИ после взятия Брянска Лжедмитрию Второму хватило взятой казны с лихвой, чтобы расплатиться и с поляками, и с литвинами, и погулять знатно, да пороха закупить].

– Что мыслишь, Даниил Иванович? – спросил Мезенского первый воевода Кашин-Оболенский.

– Ты ведаешь думы мои, Михаил Федорович, но дружбу с тобой не предаю, – высказался второй брянский воевода, Мезенский.

Почему Кашин-Оболенский колебался и не принимал, по мнению Мезенского, единственно правильное решение? Не думал первый воевода о том, как пойти на вылазку и вместе с войсками уже не Тульского вора, а Московского царя, отбросить могилевского разбойника? Банально, страх. Это ведь Кашин-Оболенский, как думали все, не зная, что инициатива исходила от Куракина, приказал жестко казнить людей Дмитрия Ивановича, когда тот, будучи еще в Туле, интересовался, чем именно может помочь Брянску. И никто же не знает, что на самом деле царских, если говорить современными реалиями, людей приказал казнить именно он, первый воевода. Приказ отдавал Куракин, который после был разбит Меховецким, гетманом самозванца Могилевского, но с согласия Кашина.

Так что, по всему пониманию, Кашин-Оболенский – преступник.

Мезенский понимал ситуацию и давал шанс своему приятелю на искупление, или хотя бы, на правильный поступок. Нельзя же подставлять тысячи людей, делать соучастниками десятки верных отечеству старшин и голов!

– Гляди, починают! – всполошился Кашин-Оболенский. – Пушки ляхи поволокли.

Действительно, осаждающие стали суетиться и срочно запрягать коней, чтобы увозить почти бесполезные для осады Брянска, пушки.

– Так, что ты надумал? – нетерпеливо спросил второй воевода Мезенский.

– А, подождем. Ты, Даниил Иванович, смотри, гусары брони натягивать стали, в бой пойдут. Вот, кто одолевать станет, там и поразмыслим, за сколько продать свое воинство сможем, – Оболенский, как ему показалось, принял единственно правильное решение, потому одарил улыбкой Мезенского.

– Хряк, – арбалетный болт вошел в грудную клетку Кашину-Оболенскому, застряв в костях.

– Ты? Предатель! – хрипел первый брянский воевода.

Мезенцев силой, но без замаха толкнул своего командира. Кашин ударился арбалетным болтом о кирпичную кладку, вгоняя его глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.